

А. Е. Россикова.

ВЪ ГОРАХЪ И УЩЕЛЬЯХЪ КУРТАТИИ
И
ИСТОКОВЪ РѢКИ ТЕРЕКА

(Изъ путевыхъ воспоминаній о горной Осетіи).

DANS LES MONTAGNES DE LA KOURTATIE
ET DES SOURCES DU TEREK.

Tiré des réminiscences d'un voyage dans les alpes de l'Ossethie,
par M-me A. ROSSIКОF.

ТИФЛИСЪ

Типографія Грузинск. Издат. Товар—ва и К. И. Козловскаго.

1894.

*«Создана на средства гранта
Президента Российской Федерации
для поддержки творческих проектов
общенационального значения в области
культуры и искусства»*

Многоуважаемому блокчесу Линднеру
Посыпку на Доброго пасынка от автора. 1894 г.
А. Е. Россикова

ВЪ ГОРАХЪ И УЩЕЛЬЯХЪ КУРТАТИ

и

ИСТОКОВЪ РѢКИ ТЕРЕКА

(Изъ путевыхъ воспоминаній о горной Осетіи).

DANS LES MONTAGNES DE LA KOURTATIE ET DES SOURCES DU TEREK.

Tiré des réminiscences d'un voyage dans les alpes de l'Ossetie,
par M-me A. ROSSIKOF.

ТИФЛИСЪ

Типографія Грузинек. Издат. Товарищества К. Н. Козловскаго.

1894.

Печатано по распоряженію Распорядительнаго Комитета Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Въ горахъ и ущельяхъ Куртатій и истоковъ рѣки Терека.

(изъ путевыхъ воспоминаний о горной осетии).

A. E. Россиковой.

I.

Въ одно ясное юльское утро мы покинули Владикавказъ на дорогахъ, запряженныхъ парою тощихъ лошадей, и ныряя въ ухабахъ мягкой наѣзженной дороги, выѣхали на зеленое море широкой владикавказской равнины. Насъ было четверо. Парѣ городскихъ клячъ, совершенно не закаленной въ борьбѣ съ препятствіями плохихъ горныхъ путей, предстояло крупное испытаніе—провезти насъ верстъ тридцать по холмистому и каменистому дну Фіагдонского ущелья до первого куртатинского селенія Зивгисы (Дзигвисъ), откуда, замѣнивъ эти пажъ собственными ногами, мы намѣревались пѣшкомъ пройти къ истокамъ рѣки Фіаг-дона и черезъ перевалъ Стыр-хохъ спуститься въ долину рѣки Закадона, по Закадонской долинѣ дойти до Трусовскаго перевала, перевалить къ истокамъ рѣки Терека и Трусовскимъ ущельемъ притти въ Коби, а оттуда по военно-грузинской дорогѣ вернуться назадъ во Владикавказъ.

Предпринимая такое длинное и далеко нелегкое путешествіе, мы не имѣли въ виду какихъ либо специальныхъ цѣлей. Намъ просто хотѣлось ознакомиться съ однимъ изъ глухихъ, рѣдко посѣщаемыхъ путешественниками, но живописныхъ и интересныхъ уголковъ Горной Осетіи—Куртатіей, которая по свидѣтельству Пфафа и другихъ изслѣдователей играла нѣкогда выдающуюся роль въ историческихъ судьбахъ осетинского народа, а поднимаясь на такія высоты, какъ Стыр-хохъ и Трусы въ Главномъ Кавказскомъ хребтѣ—испытать то высокое наслажденіе, которое, по словамъ Пфафа, можетъ сравниться съ состояніемъ души „въ рѣдкія минуты искренней и чистосердечной молитвы“... *)

*) В. Пфафъ. Путешествіе по ущельямъ Сѣверной Осетіи. Сборн. свѣд. о Кавказѣ, 1871 г., стр. 157.

Слегка приподнятая всхолмленная владикавказская равнина какъ-бы разметалась подъ горячимъ дыханіемъ солнца на сѣверъ, востокъ и западъ—до самаго синяго края неба, до самаго горизонта, теряя свой безпредѣльный размахъ только на югѣ, гдѣ унизенно подползала къ самымъ предгорьямъ Кавказа. На югѣ ее замыкаль грандіозный Кавказскій хребеть. Здѣсь было на что посмотретьть! Надъ темною зеленою буковыхъ лѣсовъ предгорій и Черныхъ горъ и сѣрыми обнаженіями Скалистаго хребта тамъ и сямъ красовались снѣговыя вершины: Адай-хоха, Джимарай-хоха, Царит-хоха и даже вѣчно хмураго кавказскаго гиганта Казбека, вершина котораго свѣркная на солнцѣ, тонула въ синевѣ яснаго безъоблачнаго неба. Полное отсутствіе облаковъ и тумана на снѣговыхъ вершинахъ—явленіе весьма рѣдкое на Сѣверномъ Кавказѣ и по мѣстнымъ примѣтамъ издавна считается предвестникомъ продолжительной ясной погоды.

Тѣмъ временемъ среди зыбкой глади равнины, совершенно лишенной древесной растительности, обрисовалось селеніе Гизель. Оно раскинулось въ восьми верстахъ отъ Владикавказа на берегу рѣки Гизель-дона, нѣсколько ниже выхода ея изъ предгорій и тонуло подъ тѣнью деревьевъ. Прекрасный видъ на истоки рѣки открывался тѣмъ шире, чѣмъ ближе подѣзжали мы къ селенію. За широкой долиной предгорной полосы, опущенной густыми лѣсами, выступали сѣрые скалистые гребни отроговъ Адай-хоха и Сагалан-хоха, въ которые концомъ своимъ, казалось, упирался громадный ледянай каскадъ, извѣстный подъ именемъ Маліевскаго ледника, обставленный въ глубинѣ цѣлою толпою горъ, переполненныхъ снѣгами и льдами.

Населяютъ аулъ Гизель болѣе чистую выходцы изъ хмурыхъ ущелій Горной Осетіи, куда въ прошлое смутное время ихъ загнала опасность со стороны многочисленныхъ враговъ, а теперь неменѣе сильные враги—нужда и малоземелье гонятъ обратно на плоскость. На плоскости осетины быстро приспособляются къ новымъ условіямъ и по сравненію съ своими сородичами, обывателями горъ, живуть и чище, и зажиточнѣе. Гизельцы, напримѣръ, кромѣ земледѣлія занимаются еще рубкою и доставкою во Владикавказъ дровъ. Эта послѣдняя профессія налагаетъ особый отпечатокъ на вѣшній видъ селенія. Всюду, куда не взглянишь, срубленный лѣсъ то саженями, то просто беспорядочными грудами загромождаетъ дворы и улицы. По вѣроиспо-

въданію Гизельцы православные христіане, имѣютъ церковь, церковно-приходскую школу и сельское управлѣніе. По числу дворовъ—290 и населенія—2863 души обоего пола—Гизель принадлежитъ къ большимъ плоскостнымъ ауламъ.

Сейчасъ за селеніемъ намъ предстояла переправа черезъ рѣку. Гизель-донъ широкимъ русломъ разсекаетъ долину и на громадномъ разстояніи и въ ширину, и въ длину заносить ее камнемъ и щебнемъ. Благодаря предшествовавшимъ дождямъ, онъ былъ полноводнѣе обыкновенного. Наши борзые кони, по брюхо погружаясь въ воду, едва справлялись съ сильнымъ теченіемъ, сопѣли, фыркали, однако не посрамили своего честнаго имени и благополучно переправились черезъ многочисленные протоки на противуположный берегъ. Отсюда дорога до самой рѣки Фіаг-дона бѣжала среди предгорной части владикавказской равнины. Становилось жарко. Вокругъ ни звука, ни шелеста; только глухо шумѣла рѣка. Наставало то нудное время, когда все въ природѣ какъ-бы замирало въ истомѣ, а человѣка неодолимо тянуло въ тѣнистую глушь лѣса, подальше отъ ослѣпительного свѣта и знойныхъ лучей горячаго солнца. Но до лѣса было еще далеко. Тамъ и сямъ изрѣдко на нашемъ пути стали появляться деревья: то старая груша, на половину усохшая отъ варварской привычки пастуховъ разводить костры подъ самыми стволами деревьевъ, то небольшая поросль низкорослого дубняка мелькала на обнаженныхъ увалахъ и наводила только тоску своимъ однокимъ видомъ, невольно заставляя уноситься мысленно въ то добroe старое время, нѣмыми свидѣтелями котораго были и усохшій ветеранъ-груша и низкорослый представитель гигантскихъ дубовъ, нынѣ вырубленныхъ и почти исчезнувшихъ съ лица предгорной владикавказской равнины; между тѣмъ на памяти нѣкоторыхъ старожилъ, совершенно лишенная древесной растительности владикавказская равнина нѣкогда тонула въ густотѣ не проходимомъ лѣсу. Теперь отъ этихъ дремучихъ лѣсовъ въ видѣ печальнаго воспоминанія кое-гдѣ уцѣлѣли лишь небольшія рощицы изъ липы и граба.

Дорога круто свернула влѣво. Впереди, подъ тѣнью буковыхъ лѣсовъ и лѣсистыхъ склоновъ Черныхъ горъ съ торчащими надъ ними сѣрыми скалами, пряталась фіагдонская долина. Фіагдонъ, прорвавъ передовую цѣнь Черныхъ горъ, течеть въ началь долины по дну широкого русла, съ высокими обрывистыми бе-

регами. Мы долго его не видали. Двѣ террасы отдѣляли насъ отъ рѣки. Нижняя широкая, плоская, вся засѣянная кукурузой, и верхняя, по которой, между густыми порослями орѣшника, ольхи и другихъ высокихъ кустарниковъ, пролегала дорога, у подошвы окаймляющихъ горъ. Къ полдню становилось все жарче. Бѣхать на дорогахъ, подъ открытымъ небомъ не было никакого терпѣнія. Мы давно ужъ шли пѣшкомъ по затѣненнымъ бокамъ дороги и всетаки изнемогали отъ зноя и жажды. [Наконецъ дорога начала углубляться въ долину, подъ густую тѣнь лѣса. Могучія гигантскія буковыя деревья, уносившіяся въ такую высь, что глазъ едва достигалъ ихъ вершинъ, спускались со склоновъ до самаго дна долины и только надъ рѣкой смынялись кустарникомъ. Но, Боже мой, что за картина! Казалось, мы не въ лѣсу, а на бранномъ полѣ, послѣ сраженія. Всюду громадные трупы деревьевъ спокойно гнили тутъ же подъ пней, гдѣ свалила ихъ безжалостная рука человѣка.] Повидимому ихъ рубили безъ всякой опредѣленной цѣли, какъ говорится, отъ нечего дѣлать. Громадныя вѣтки, сломанныя и тутъ же разметанныя вѣтромъ, цни и обнаженные корни то и дѣло преграждали намъ путь. Въ лѣсу оказалось гораздо жарче и душнѣе. Мы едва доплелись до ручья, гдѣ намѣривались отдохнуть, но тучи мухъ и комаровъ отправляли наше существованіе, а лошадей доводили до бѣшенства. По ухабамъ, колдобинамъ и громаднымъ вросшимъ въ землю камнямъ, среди сильно разрѣженного лѣса намъ пришлось подняться на отрогъ, который, замыкая среднюю часть долины, образуетъ одно изъ характерныхъ и оригинальныхъ по красотѣ мѣсть. [Здѣсь впервые мы увидѣли Фіаг-донъ, но такимъ бурнымъ, что долго не могли забыть. Встрѣчая на своемъ пути препятствіе въ цѣломъ рядѣ твердыхъ породъ отрога, которымъ нѣкогда загромождалась совершенно въ этомъ мѣстѣ долина, Фіаг-донъ, усилиями многихъ вѣковъ распилъ отрогъ, продѣлавъ щель, шириной не больше аршина, а въ длину до 20 сажень и, со всею необузданностью стихійной энергіи, устремилъ въ нее свое бурное теченіе. Цѣпляясь за вѣтви деревьевъ и кустарниковъ, мы спустились на скалу, нависшую съ берега и заглянули въ разщелину. Тамъ царилъ мракъ, подъ покровомъ котораго, на глубинѣ приблизительно тридцати футовъ, вся черная, съ сѣдыми гравами волнъ, клокотала и билась рѣка о мертвыя неподвижныя скалы, то разбиваясь о нихъ въ мелкія брызги, то вновь напи-]

рая съ оглушительнымъ ревомъ. Мы съ удовольствиемъ сбѣжали по крутому склону на дно долины, гдѣ среди зеленыхъ заливныхъ луговъ, подъ тѣнью буковъ шла дорога почти на уровнѣ съ рѣкой. Послѣ бурнаго бѣга въ скалахъ, ея торопливо, но не бѣшенное теченіе въ широкомъ руслѣ пріятно ласкало глазъ. Ручьи прозрачной ключевой холодной воды то и дѣло разсѣкали дорогу и тихо журча сбѣгали въ рѣку. Перекинутый черезъ Фіагдонъ мостъ перевелъ насть на противуположный берегъ. Здѣсь по каменистому прежнему руслу мы то поднимались, то вновь спускались. Обрамленная съ боковъ густыми лѣсами долина чѣмъ дальше все больше теряла свой древесный покровъ и наконецъ на обнаженномъ всхолмленномъ днѣ ея, среди ярко зеленыхъ лужаекъ, задернутыхъ кое-гдѣ выносомъ щебня, только одинокими грушами возвышались деревья. Впереди, съ юга, набѣгая, съ обѣихъ сторонъ, ее снова загромождали поперечные отроги: Карца и Хас-харан-раха, расчлененные тѣсниной, такъ сказать преддверьемъ самого ущелья рѣки Фіаг-донъ.

Одинъ изъ путниковъ обратилъ наше вниманіе на сѣверный склонъ Хос-харан-раха. По его словамъ, на высотѣ около 3500 футовъ, въ складкахъ лѣваго склона долины, въ верхней части сѣвернаго склона хребта Хос-харан-рахъ залегаетъ громадная сталактитовая пещера, называемая по осетински Нефчин-лагать; доступна она бываетъ только ранней весной, когда густыя поросли ежевичника и папортниковъ еще не дѣлаютъ лѣса непропускимъ. Открывается пещера обширнымъ гротомъ и въ глубину простирается на цѣлую версту. Самой прихотливой формы и разнообразной величины сталактиты и сталагмиты украшаютъ ея своды и поднимаются вверхъ со дна, по которому шумно струится ручей. Мы остановились, чтобы хоть приблизительно ознакомиться съ мѣстомъ, гдѣ находилась пещера, но къ сожалѣнію видѣли только сѣрую обнаженную скалу, основаніе которой, гдѣ собственно залегла пещера, скрывалось за гребнемъ лѣсистаго склона. За недостаткомъ времени, несмотря на глубокій интересъ, посѣщеніе пещеры намъ пришлось отложить до другого раза.

Въ преддверы ущелья характеръ мѣстности совершенно измѣнился. Оно поражало своей оригинальностью. Справа и слѣва возвышались сажень на пятьдесятъ совершенно вертикально скалы, переходящія въ верхнихъ частяхъ въ типичныя круглые шап-

ки и шишки, то зувшія въ букаромъ лѣсу. По скаламъ, между роскошной зеленою папортниковъ, тамъ и сямъ пестрѣли цвѣты: лиловые и бѣлые колокольчики, незабудки, геницианы... Особен-но живописна правая часть преддверья ущелья, гдѣ открывается видъ на короткую, но глубокую лѣсистую балку Скурфъ. Въ головицѣ ея, лежащемъ на южномъ склонѣ главной вершины хребта Хос-харан-рахъ изъ-за густой зелени лѣса выступали сѣрыя скалы, осѣненные соснами. Среди скаль темнѣло нѣсколько пещеръ, о которыхъ сохранились разныя преданія. Въ настоящее время одна изъ пещеръ обращена въ овчарникъ, а другая, менѣе доступная, служить зимнимъ убѣжищемъ для медвѣдей, которыхъ, по увѣренію охотниковъ, здѣсь еще очень много... Не успѣли мы отдохнуть подъ тѣнью скалъ, нависшихъ надъ доро-гой съ праваго бока, какъ преддверье ущелья начало расширять-ся, площадь dna его становилась больше, плосче, склоны горъ— положе; появилась долинка, закутанная въ ольшатникѣ, еще нѣ-сколько сажень и передъ нами обрисовалась красивая широкая котловина, известная подъ именемъ Бахт-лязгаръ. Небольшая рѣ-ченка, выбиваясь изъ-подъ скалы въ тѣсномъ боковомъ ущельѣ Карца, прозрачнымъ бурнымъ потокомъ разсѣкала котловину. На правомъ берегу рѣченки, у выхода ея изъ бокового ущелья, си-ротливо пріютились двѣ осетинскія постройки, возведенныя по образцу русскихъ деревенскихъ избъ. Бѣленыкіе, новенькие дере-вянные домики въ этомъ дикомъ глухомъ мѣстѣ напоминали сказ-зочныя избушки на куриныхъ ножкахъ. Оригинальныя по типу кровли построекъ еще издали привлекли наше вниманіе. Это не были обыкновенныя тесовыя крыши нашихъ деревенскихъ избъ, а какъ-бы двѣ или три такія кровли въ миніатурѣ, поставленныя надъ одной и той же избой. Какую защиту отъ непогоды мо-жетъ представлять такая кровля—остается непонятнымъ. Казен-ный лѣсной объездчикъ и семья его близкихъ родственниковъ со-ставляютъ все населеніе мѣстечка Бахт-лязгаръ.

Этимъ мѣстомъ собственно и заканчивается преддверье ущелья. Дальше на югъ и на юго-западъ въ толщахъ господ-ствующихъ здѣсь горъ Кариу-хоха и Тбау-хоха и ихъ отроговъ за-легаетъ само Фіагдонское ущелье. Горы ущелья поражаютъ сво-ею грандіозностью и дикимъ неприступнымъ видомъ. Ряды тер-расъ и уступовъ, громоздясь другъ надъ другомъ, то надвигались и сближались, съуживая просвѣтъ ущелья, то расходились, от-

крывая горизонтъ все шире и шире. Слѣды гигантской дѣятельности воды—пещеры, гроты, безчисленное множество выбоинъ, углубленій—исчерчивали террасы и уступы. Казалось, здѣсь все находилось подъ гнетомъ подавляющаго величія громадныхъ горъ. Растительность, чѣмъ дальше, становилась бѣднѣе. Лѣсъ утрачивалъ свое преобладающее значеніе и являлся въ роли декоративной, обрамляя скалы, выступы, террасы, заполняя ложбины. Фіаг-донъ зарылся въ крутыхъ обрывистыхъ берегахъ и его рѣзкій несмолкаемый шумъ густою волной вырывался изъ нѣдра углубленнаго ложа... Дорога становилась все хуже и хуже. Въ собственномъ смыслѣ колесной дороги давно ужъ не было, а была тропа, для ъезды верховой и на такомъ незатѣйливомъ экипажѣ какъ осетинская арба. Дороги, какъ-то безтолково путались среди безчисленнаго множества поворотовъ зигзаговъ, цѣпляясь за камни, застревали въ ухабахъ, затрудняя каждый шагъ несчастныхъ усталыхъ лошадей. Возница клялъ судьбу, что согласился на такое трудное путешествіе и молилъ Бога, живымъ съ лошадьми вернуться домой. Хмурыя вечернія тѣни легли надъ ущельемъ. Послѣ томительно знайного дня мы съ наслажденіемъ вдыхали свѣжій вечерній воздухъ. Вдругъ, среди царящаго надъ ущельемъ безмолвія, гдѣ-то вдали раздались человѣческіе голоса... ближе... и изъ-за поворота вынырнула цѣлая партія осетинъ косцовъ.

„Дорога яманъ! Дорога яманъ!“ кричали они всѣ вмѣстѣ, приближаясь къ намъ.

— „Отчего яманъ?“ остановили мы ихъ.

— „Большой вода. Мостъ мало, мало пропалъ!“ ломаннымъ русскимъ языкомъ старались разъяснить косцы. Изъ этихъ отрывочныхъ фразъ было ясно, что гдѣ-то поврежденъ мостъ, но гдѣ именно и какъ велико поврежденіе, добиться намъ не удалось, такъ какъ осетины не знали больше не единого слова по-русски. Мы поспѣшили впередъ. Мостъ оказался недалеко, всего въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ мѣста встрѣчи съ косцами и въ такомъ состояніи, что не только перебѣхать, но даже пѣшкомъ перейти непривычному человѣку было небезопасно. Изъ трехъ бревенъ, перекинутыхъ черезъ рѣку, одно обвалилось вмѣстѣ съ доброю половиной поперечныхъ брусьевъ. О переправѣ дорогъ не могло быть и рѣчи. Намъ оставалось одно: дать знать старшинѣ ближайшаго селенія Зивгисы о высылкѣ выночной лошади или

арбы къ раннему утру слѣдующаго дня и заночевать у моста. Вѣсть о нашемъ путешествіи видимо уже успѣла облетѣть ущелье. Со всѣхъ сторонъ къ мосту стекались осетины. Бѣдная впечатлѣніями жизнь въ горныхъ аулахъ гонить обитателей ихъ далеко за предѣлы селеній при всякомъ малѣйшемъ поводѣ. Достаточно распространиться слуху, что въ горахъ новинка и осетину-горцу ничего не стоитъ отмахать десятки верстъ, прошататься нѣсколько дней безъ всякаго дѣла, съ единственою цѣлью собрать „хабарь“—новости, чтобы потомъ, сидя подлѣ сакли на улицѣ, съ прекрасами передавать его односельчанамъ и тѣмъ дать тему для безконечныхъ бесѣдъ, толковъ, которыми только и живутъ они въ своихъ горныхъ трущобахъ.

Столпившись подлѣ моста, осетины о чёмъ то громко разсуждали, спорили, какъ намъ казалось, принимая въ нашей судьбѣ горячее участье. Но это только такъ казалось. Достаточно было обратиться къ нимъ съ просьбою, чтобы убѣдиться, какъ далеки эти дикари отъ участія къ чужимъ для нихъ людямъ. За доставку записки зивгисскому старшинѣ съ настъ запросили 3 рубля, хотя многіе изъ присутствовавшихъ здѣсь были зивгисцы и на ночь возвращались въ селеніе. Не успѣли мы разбрить палатки и расположиться на отдыхѣ, какъ къ противоположному берегу подкатила арба и увеличила зрѣлище. Владѣлецъ арбы, обитатель одного изъ дальнихъ селеній, не предвидѣлъ препятствія на своеемъ пути, растерялся и не зналъ, что предпринять. Мы предложили ему вернуться назадъ и довести наши вещи до Зивгись. Началось совѣщаніе всѣмъ, собравшимся у моста кагаломъ, результатомъ которого была баснословная цѣна: 5 рублей за четырехверстное разстояніе до селенія. Не знаю, чѣмъ-бы все это кончилось, если-бы не подвернулся самъ зивгисский старшина, тоже больше изъ любопытства, чѣмъ по дѣлу прискакавший къ мосту и не разрѣшилъ вопроса разомъ. Но этимъ еще не окончились впечатлѣнія первого дня. Заброшенные въ глухой уголокъ, среди дикой, почти первобытной природы, мы были свидѣтелями такихъ же дикихъ и невѣроятныхъ по своей жестокости нравовъ. Злосчастный владѣлецъ арбы, не желая возвращаться назадъ, надумалъ во что-бы то ни стало исправить и арбу и лошадь черезъ мостъ. Остальные осетины, повидимому, не находили въ этомъ ничего невозможнаго, такъ какъ усердно помогали ему разобрать арбу и частями перенести че-

ресь мостъ. Съ лошадью справиться оказалось гораздо труднѣе. Бродомъ она не шла: Флаг-донъ струился въ тѣсномъ и глубокомъ руслѣ; вести же по полуразрушеному мосту значило навѣрное утопить ее въ рѣкѣ, такъ какъ на двухъ уцѣлѣвшихъ бревнахъ не хватало поперечныхъ брусьевъ. Но хитроумные осетины не предъ чѣмъ не остановились. Они сдвинули брусья къ одному концу моста, прикрыли буркой и ввели лошадь, разсчитывая по мѣрѣ ея движенія перетаскивать свободные брусья впередъ и застилать ими прорѣхи моста. Было что-то трогательное въ той беззаботной покорности, съ которой несчастное животное шло на вѣрную гибель. Первые два шага лошадь сдѣлала благополучно и остановилась, но едва осетины дотронулись до брусьевъ—потеряла устойчивость и всею тяжестью рухнула въ клокочущую рѣку. Невозможно было не ужаснуться при видѣ этой картины! Осетины подняли такой крикъ, точно падение лошади было для нихъ совершенной зеожиданностью. Несчастное животное барахталось въ водѣ, билось о камни и, подхваченное бурной рѣкой, устремилось внизъ по теченію. Къ счастью, въ рукахъ осетинъ осталась уздечка. Они втянули лошадь подъ защиту громаднаго камня. Лошадь стала на ноги и кое-какъ выкарабкалась на берегъ. Такимъ же способомъ переправили нѣсколько штукъ ословъ, съ тою только разницей, что они рѣшительно отказывались повиноваться своимъ жестокимъ владѣльцамъ: ихъ буквально втаскивали на мостъ и толчками сзади заставляли перепрыгивать черезъ расщелины на берегъ....

II.

На слѣдующій день, едва занялась заря, мы были уже на ногахъ. У моста на противуположномъ берегу стояла одноконная осетинская арба и дожидалъ насъ проводникъ, молодой парень лѣтъ восемнадцати, осетинъ, довольно хорошо говорящій по русски, даже грамотный, явленіе весьма рѣдкое въ горахъ, съ двумя своими сотоварищами, которые явились просто изъ любопытства. Утро было ясное. На синемъ небѣ ни облачка. Въ воздухѣ свѣжо, даже холодно. Мы поспѣшили нагрузить вещи на арбу и двинулись въ путь. На этотъ разъ намъ предстояло пройти одно изъ интересныхъ мѣсть, тѣсное ущелье, извѣстное подъ именемъ Зивгисскаго. Оно залегаетъ въ складкахъ горы Каріухоха и Тбау-хоса и не является самостоятельнымъ, а лишь ха-

рактернымъ продолженiemъ пройденной нами наканунѣ части Фіагдоńskiego ущелья, постепенно съузившагося въ тѣсный глубокій проходъ или тѣснину. Два необозримо громадныхъ хребта замыкали ущелье съ обоихъ боковъ. Дорога жалась къ подошвѣ праваго склона, по дну тѣснины, загроможденному обломками скалъ, глыбами, засыпанному щебнемъ и мѣстами исчезала подъ сводами громадныхъ скалъ. Тѣ же уступы, террасы, скалы, громоздясь одна надъ другою, бороздили отвѣсные склоны, но уступы тѣснинѣ были острѣе, террасы положе, скалы выше, глаше, громаднѣе и нависали съ такой удручающей силой, точно собирались сорваться и похоронить подъ своею тяжестью узкій проходъ. Казалось, въ природѣ не было силы, которая могла бы соперничать съ гигантскою мощью сумрачныхъ великановъ, а между тѣмъ сила эта была здѣсь же, сила эта—вода, та самая рѣка, которая, зарывшись на днѣ, лизала подошвы великановъ и разбивала о нихъ свои мутныя волны. Ничто не можетъ сравниться съ дѣятельной силой воды, ничто не можетъ остановить ее неустанной энергіи. Бѣгутъ ручьи, собираются въ потоки, рѣки и опять бѣгутъ. Проходить вѣка и самые громадные великаны не могутъ устоять подъ этимъ ежечаснымъ, неустаннымъ напискомъ воды. Она размываетъ ихъ бока, распиливаетъ трещины и шагъ за шагомъ, пролагая себѣ ложе, кладеть начало тому разрушенію, результатомъ котораго явилась и Зивгисская тѣснинна. Зивгисскую тѣснину прорылъ Фіаг-донъ, распиливъ по перекъ хребетъ скалистыхъ горъ и, углубляясь все ниже и ниже, до нашихъ дней еще не закончилъ своей разрушительной дѣятельности. Чахлый кустарникъ, въ перемежку съ стройными тонкими соснами, которая едва цѣпляясь за скалы, одиноко торчали среди сѣрыхъ безжизненныхъ массъ, тамъ и сямъ оживляли суровыя склоны. Всюду вода ручьями и бѣшенными потоками, бѣлыми отъ пыни, струилась, скатывалась и падала съ громадныхъ высотъ въ рѣку Фіаг-донъ, которая снова превратилась въ бѣшенаго звѣря. Вздыная громадныя волны, онъ плескался на берегъ и заливала дорогу. Приходилось буквально итти по водѣ, а мѣстами перебѣжать на арбѣ, струившися по дорогѣ потоки. Со дна тѣснинѣ дорога круто полѣзла въ гору по склону поперечнаго отрога, которымъ, точно громаднымъ порогомъ, замыкалось Зивгисское ущелье. Мы шли по глубокой ложбинѣ, обставленной съ обѣихъ сторонъ известняковыми скалами, промытыми водой

и поросшими рѣдкимъ кустарникомъ. Горизонтъ, чѣмъ дальше, становился все шире. Теперь горы выступали предъ нами цѣлой вереницей гребней, съ царящими надъ ними скалистыми вершинами: Каріу-хоча—на юго-западѣ и Тбау-хоча—на сѣверѣ. Фіаг-донъ отклонился влѣво и затонулъ въ расщелинѣ, настолько узкой, что, казалось, горы въ этомъ мѣстѣ не имѣли прохода. Это —самая интересная часть Зивгисского ущелья. По сравненію съ только что пройденной нами тѣсниной, она какъ-бы переживала первую фазу своего образованія, тотъ періодъ, когда трудная многовѣковая работа Фіаг-дона завершилась сквозною трещиной, прорытой во всю ширину попечечного отрога. Видъ на расщелину сверху поражаетъ своею оригинальностью. Цѣлый сонмъ скаль, слаженныхъ и обточенныхъ водой, ощетинившихъ, торчать надъ трещиной. Двѣ глыбы громадной величины, сорвавшихъ съ сосѣдняго скалистаго склона, прикрывали трещину въ двухъ мѣстахъ, образовавъ два естественныхъ моста. Мы взобрались на одинъ изъ нихъ. Подъ нами, на протяженіи трехсотъ, четырехсотъ сажень, въ буквальномъ смыслѣ разверзлась щель, шириной не больше двухъ аршинъ. На днѣ ея, на глубинѣ тридцати, сорока сажень, между двухъ извѣстняковыхъ стѣнъ, едва замѣтно струился Фіаг-донъ. Онъ не рвался изъ тѣснаго ложа, не вздымалъ бурныхъ волнъ, а мирнымъ желтоватымъ потокомъ безшумно катилъ свои мутныя воды. Обломки скалъ, нѣкогда преграждавшіе путь водѣ съ просверленными сквозными отверстіями, наподобіе арокъ, перекинутыхъ черезъ рѣку, тамъ и сямъ виднѣлись по руслу, дополняя картину грандіозной работы рѣки.

Характеръ мѣстности совершенно измѣнился, едва мы переступили за порогъ Зивгисского ущелья. Горы не наступали тѣсной толпой, не подавляли своею грандіозностью. Вырвавшись изъ тѣснинъ, онѣ точно разбѣжались въ разныя стороны, образуя широкую котловину, извѣстную подъ именемъ Куртатинскаго ущелья. Пологіе обожженные солнцемъ склоны, широкое каменное русло, гдѣ въ раздробленной на множество рукавовъ рѣкѣ, едва можно было признать недавно бурный Фіаг-донъ, и полное отсутствіе древесной растительности придавали котловинѣ видъ безплодной пустыни. Между тѣмъ по свидѣтельству мѣстныхъ жителей, подтвержденному научными изысканіями, нѣкогда Куртатинское ущелье тонуло въ густомъ лѣсу, остатки котораго со-

хранились до нашихъ днѣй въ видѣ отдельныхъ деревьевъ и небольшихъ священныхъ рощицъ изъ карагача. Флаг-донь въ то время дробился на рукава и не разливался во всю ширину дна ущелья, а струился быстрымъ потокомъ среди лѣсистыхъ береговъ, въ руслѣ на столько тѣсномъ, что черезъ него свободно можно было перескочить.

Впереди темнѣло селеніе Зивгисы, такое же сѣрое и не-привѣтливое, какъ окружающіе горы. Оно пріотилось не далеко отъ входа въ котловину, у скалистаго подножья горы Каріу-хочъ, на небольшой террасѣ, и скорѣе напоминало груду сложенныхъ камней, нежели человѣческія жилища. Перескакивая съ камня на камень черезъ множество ручьевъ, на которые распадается протекающій черезъ селеніе потокъ, мы наконецъ вступили въ аулъ. Зивгисы селеніе небольшое: состоитъ всего изъ 25 дворовъ, съ населеніемъ около 362 душъ обоего пола. По сравненію съ другими селеніями Горной Осетіи оно не представляетъ ничего оригинального. Тѣ-же сложенные изъ сѣраго камня, безъ цемента, курныя сакли, четырехъугольной формы, тѣсно гнѣздятся одна надъ другой до самаго скалистаго подножья, хмуро и дико глядя изъ подъ нависшихъ плоскихъ крышъ своими традиціонными отверстіями, вместо оконъ и дверей; та-же тѣснота и скученность, отчего въ Зивгисахъ всего одна улица и дворы замѣняются плоскими крышами хлѣбовъ и другихъ надворныхъ построекъ; та-же грязь, полуниценское существованіе. Полное же отсутствіе какой-бы то ни было культурной растительности еще больше увеличиваетъ печальный видъ горнаго осетинскаго селенія. Встрѣтить подлѣ сакли дерево или, тѣмъ болѣе, садъ — въ аулѣ такая же рѣдкость, какъ рѣдко отсутствіе того и другого въ русской деревнѣ. Да оно и понятно, если принять во вниманіе, что за недостаткомъ земли обитатель горнаго осетинскаго селенія вынужденъ обходиться не только безъ сада, но даже безъ двора, безъ лишней улицы. Въ силу-ли дурныхъ климатическихъ условій, или вслѣдствіе какихъ либо другихъ, болѣе глубокихъ причинъ, изъ всѣхъ отраслей земледѣльческаго труда осетины горцы занимаются только хлѣбопашествомъ. Въ самое послѣднее время кое-гдѣ въ горахъ стали появляться огороды, гдѣ выращиваются: лукъ, рѣдька, очень рѣдко — картофель для собственного употребленія. По карнизу скалистаго подножья, на висшаго надъ селеніемъ Зивгисы, мѣстахъ въ двухъ, въ трехъ

лѣпятся каменные сооруженія въ видѣ клочковъ полуразрушенныхъ стѣнъ, съ множествомъ отверстій—бойницъ. Это—остатки древней крѣпости, единственные свидѣтели исторического прошлаго зивгисцевъ. Среди мѣстныхъ жителей существуетъ преданіе о нашествіи какого-то Саха или Шаха-Аббаса, когда пушечными выстрѣлами и была разрушена крѣпость въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Нѣкоторые изслѣдователи относятъ крѣпость къ феодальному вѣку Осетіи. Несомнѣнно же одно, что Зивгисы, какъ селеніе по-рубежное, нѣкогда играло весьма важную роль въ смыслѣ оплота Куртатіи отъ вторженія виѣшнихъ враговъ. По рассказамъ жителей, за стѣнами скрывается обширная пещера, замѣчательная сквознымъ выходомъ въ сосѣднее Ардонское ущелье... Все наличное населеніе аула высыпало изъ своихъ темныхъ и тѣсныхъ конуръ на улицу. Переднюю позицію, конечно, заняли ребятишки грязные, полунагіе, съ громадными животами, за немногими исключеніями съ чесоточными струпьями на головахъ и лицахъ. Не менѣе печальный видъ имѣли и женщины въ своихъ грязныхъ рубищахъ съ истощенными болѣзnenными лицами. По вѣроисповѣданію Зивгисцы православные христіане. Въ аулѣ имѣется старинная грузинская церковь, время которой достовѣрно до сихъ поръ еще не опредѣлено, но существуетъ мнѣніе, что она построена въ царствованіе царицы Тамары; сами же жители приписываютъ ее какому-то грузинскому царевичу. Мы полюбопытствовали взглянуть на церковь. Она находится нѣсколько выше селенія, на небольшомъ выступѣ, надъ рѣкой и обнесена каменной стѣной. Новые тесовые ворота ввели насъ во дворъ. Прямо противъ воротъ—иносторонній навѣсь съ нарами, предназначенный для богомольцевъ, которые въ дни церковнаго праздника стекаются сюда со всѣхъ концовъ Осетіи. Между безчисленнымъ множествомъ турьихъ, козьихъ и оленыхъ роговъ, которые какъ свидѣтели наивысшей доблести современного осетина, по обычаю хранятся въ каждомъ священномъ мѣстѣ, намъ попалась любопытная вещь. На столбѣ которымъ подпирается навѣсь, на ржавомъ гвоздѣ висѣли такие-же ржавые кандалы. Какъ попали эти далеко не доблестные предметы за церковную ограду, кому они нѣкогда принадлежали и съ какою цѣлью предназначались для храненія при церкви, никто изъ сопровождающихъ насъ осетинъ не могъ или не хотѣлъ намъ объяснить. Несомнѣнно, что кандалы висятъ ни годъ ни два, а можетъ быть, цѣлые десятки лѣтъ.

Сама по себѣ церковь не поражаетъ изяществомъ архитектуры, но по характеру постройки несомнѣнно принадлежить къ сѣйдой древности и имѣеть большое сходство съ типомъ древнихъ могильниковъ *), которые въ безчисленномъ множествѣ разсѣяны по всей Горной Осетіи, встречаются почти въ каждомъ горномъ осетинскомъ селеніи, иногда въ самомъ центрѣ его, иногда близъ него, на подобіе второго мертваго селенія. Среди мѣстныхъ жителей циркулируетъ преданіе, что древніе могильники уже существовали, когда предки осетинъ впервые начали селиться въ горахъ, что ябъкогда они принадлежали грекамъ, но насколько все это достовѣрно—неизвѣтно. Всѣ могильники построены по одному типу: конусообразной формы зданіе, въ три-четыре сажени высотою, сложено изъ каменныхъ плитъ, скрѣпленныхъ очень прочнымъ цементомъ. На днѣ могильника—глубокая яма, вверху же онъ перегораживался досками, настланными на балки. Трупы умершихъ втаскивались черезъ единственное небольшое отверстіе на верху и располагались въ рядъ на доскахъ. Когда рядъ наполнялся, доски приподнимались и трупы сваливались въ яму, очищая мѣсто для новыхъ мертвцевовъ. Намъ случилось заглянуть въ такой могильникъ черезъ отверстіе внизу, продѣланное позднѣе, вѣроятно, любопытными. Трудно описать ту ужасающую картину, которая открылась передъ нами! Вся яма была переполнена человѣческими костями въ самомъ невѣроятномъ хаотическомъ беспорядкѣ. Кости рукъ, ногъ мѣшались съ черепами, ребрами и цѣлыми скелетами, кое-гдѣ прикрытыми сѣро-бурыми клочьями, вѣроятно истлѣвшей одежды... Небольшое конусообразное зданіе зивгисской церкви по архитектурѣ напоминаетъ эти древніе могильники. Она лѣпится къ громадной каменной глыбѣ, въ которой высѣченъ алтарь. Отшлифованная водой и временемъ снаружи глыба примыкаетъ къ церкви въ видѣ полукруглого выступа. По словамъ нашего проводника, въ церкви хранятся деньги и разныя пожертвованія въ видѣ драгоценныхъ вещей и украшеній. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ священника, который постоянно живетъ въ сосѣднемъ селеніи Дала-кау, мы не могли побывать въ церкви, но, черезъ узкое отверстіе въ стѣнѣ, убѣдились, что разсказы проводника преувеличены. Внутри церковь имѣеть такой же печальный видъ, какъ и снаружи. На голыхъ смазанныхъ глиной стѣнахъ ни единой иконы, никакихъ

*) Могильники эти въ Осетіи носятъ название *западз*.

признаковъ украшений. Въ серединѣ восточной стѣны небольшая дверь, сердцевидной формы, ведущая въ алтарь; сбоку, около лѣвой стѣны—какая-то полка съ битой посудой; вотъ и все, что мы видѣли въ церкви.

Сейчасъ за ауломъ тянулись зивгисскія пашни. По склонамъ горъ, по берегу рѣки, всюду, гдѣ только есть клочокъ удобной земли—засѣянъ хлѣбъ. У горныхъ осетинъ вообще земли мало. Зивгисцы, напримѣръ, имѣютъ всего 64 десятины удобной земли на 362 души. Понятно, имъ приходится не щадить ни труда, ни времени для расчистки и защиты своихъ поселений. Встрѣтить каменную ограду вокругъ пашни, въ горахъ нерѣдкость. Изъ года въ годъ съ вершинъ осыпаются камни и изъ года въ годъ, прежде, чѣмъ начать пахству, нужно расчистить пашню отъ камней. Если вообще трудъ земледѣльца зависитъ отъ случайностей, то въ горахъ этихъ случайностей гораздо больше, чѣмъ на равнинѣ. Проливной дождь, буря, случайный обвалъ—здѣсь все угрожаетъ земледѣльцу, его полямъ и даже жилищамъ. Иногда цѣлые аулы вмѣстѣ съ грунтомъ срываются съ горъ на дно ущелья. Мы видѣли такія пашни, съ которыхъ дождемъ было смыто не только посѣвъ, но и самая почва. Нужно прибавить при этомъ, что земля въ горахъ давно не родитъ безъ удобрѣнія. Сколько нужно труда и энергіи, чтобы при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ заниматься земледѣліемъ!...

Мы снова шли по дну широкой котловины. На горизонте, увѣнченные снѣгами и льдами, сверкали гребни Бокового хребта, расчлененные балками, сумрачными ущельями, какъ-бы драпируя вверху желтая обнаженія, обрамляющихъ котловину горъ. При яркомъ заревѣ солнца она казалась еще печальнѣе, она какъ-бы замерла: ни единаго живого штриха, ни одной отрадной картины! По склонамъ горъ, по дну котловины тамъ и сямъ темнѣли селенія. Справа на вершинѣ уступа пріютилось селеніе Азанога (Ац—) съ башнями; не успѣли мы разсмотрѣть его хмурыхъ построекъ, какъ слѣва обрисовалось другое селеніе Гули; еще дальше, въ глубинѣ бокового ущелья, на пологомъ склонѣ раскинулось большое селеніе Дзуар-кау, черезъ которое проходитъ единственная колесная дорога, соединяющая сосѣднее Тагаурское ущелье съ Куртатинскимъ, еще лѣвѣе—полуразрушенная башня завершала вершину горы и такъ далѣе, и т. д. Какъ пережитки прошлаго, всѣ эти селенія и существуютъ какъ-бы для прошлаго,

для иллюстрации своими башнями того отдаленного времени, когда раздираемая смутами Куртатія трепетала за свою свободу, за каждый шагъ своей независимости, не внося не единой живой струи въ современный ландшафтъ.

Теперь ближайшимъ селеніемъ на нашемъ пути было Дала-кау. Оно раскинулось по обѣ стороны Фіаг-дона, но главнымъ образомъ по лѣвому его берегу, и принадлежить къ числу крупныхъ (54 двора) и населенныхъ (536 душъ обоего пола) пунктовъ горной Осетіи; носить даже нѣкоторые проблески культуры, своимъ, правда, жалкимъ стремленіемъ къ разведенію фруктовыхъ садовъ. Въ Дала-кау—двѣ церкви: одна приходская, другая древняя грузинская; есть школа, въ которой обучаются грамотѣ до сорока человѣкъ учениковъ; сельское правленіе; постоянно живетъ священникъ, старшина и даже имѣются двѣ лавки съ краснымъ товаромъ—явленіе весьма рѣдкое въ горахъ. По внѣшнему виду оно производитъ лучшее впечатлѣніе, не такъ скучено—и даже разбросано, что всего оригиналнѣе, среди цѣлой массы могильниковъ, хотя по типу своихъ жилыхъ построекъ и башенъ также относится къ сѣйдѣ древности и ничѣмъ не отличается отъ другихъ селеній Горной Осетіи. Дорога прямо привела насъ въ селеніе. Еще въ Зивгисахъ мы слыхали о далакавскихъ древнихъ могильникахъ, съ которыми осетинскія преданія соединяютъ останки своихъ знаменитыхъ героевъ: Куртаты и брата его Тагаура, по имени которыхъ, по народнымъ сказаніямъ, будто-бы названы два ущелья: Куртатинское и сосѣднее съ нимъ Тагаурское. Двѣ руины, расположенные рядомъ на видномъ мѣстѣ, на холмѣ, по архитектурѣ своей ничѣмъ не отличались отъ тысячи такихъ же могильниковъ, разбросанныхъ по всему Куртатинскому ущелью вообще и въ селеніи Дала-кау въ частности. Мы заглянули въ склепы. На днѣ склеповъ, въ полумракѣ, среди обломковъ глиняной посуды, полусгнившихъ деревянныхъ брусьевъ виднѣлись человѣческие черепа, кости, правда, не въ такомъ громадномъ количествѣ, какъ намъ удавалось наблюдать въ другихъ такихъ же могильникахъ, но были-ли они останками знаменитыхъ осетинскихъ героевъ, о томъ кромѣ преданія не сохранилось никакого другого свидѣтельства. Съ вершины холма или, вѣрнѣе, выступа надъ самой рѣкой, гдѣ подъ тѣнью могильника мы присѣли отдохнуть, открывался замѣчательный видъ. Селеніе Дала-кау и вся Куртатинская котловина, тщательно расчищенная отъ

камней и распаханная подъ хлѣба, открывалась передъ нами, какъ на ладони. Въ данный моментъ мы находились въ самомъ центрѣ Куртатіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей осетинской исторіи, въ XI вѣкѣ сложилось и крѣпло вольное осетинское царство, достигшее къ концу XI вѣка того могущества, какого ни раньше ни позже не достигала Осетія, гдѣ процвѣтала торговля, промышленность, гдѣ находилась столица Осетіи и резиденція осетинскихъ царей, дипломатическая и родственная связи которыхъ съ могущественными въ то время дворами Византіи и Грузіи свидѣтельствовали о ихъ важномъ политическомъ значеніи. Дѣйствительно, полное смутъ прошлое Осетіи запечатлено въ Куртатіи цѣлою массою историческихъ памятниковъ, въ которыхъ отразились политическая и гражданскія стремленія нѣкогда сильного народа и его своеобразное міровоззрѣніе. Безчисленное множество башень, полуразрушенныхъ крѣпостей и другихъ построекъ,озведенныхъ для самозащиты, съ единственою цѣлью отразить, не допустить виѣшняго врага къ владычеству, свидѣтельствовали о бурной эпохѣ, пережитой страной, о времени господства грубыхъ страстей, о безконечныхъ войнахъ, набѣгахъ, побѣдахъ, пораженіяхъ, которыми обыкновенно характеризуется въ исторіи феодальный вѣкъ; съ другой стороны уцѣлѣвшія древнія церкви и цѣлый сонмъ древнихъ могильниковъ говорили о вліяніи Византіи, христианства, о роли Грузіи въ судьбѣ народа, весь запасъ духовныхъ силъ котораго, какъ-бы замеръ съ послѣднимъ выстрѣломъ изъ башенъ на многіе вѣка, до нашихъ дней. Въ безцвѣтной личности современного осетина едва-ли можно признать потомка древнихъ алановъ, осовъ, которые еще за много лѣтъ до Рождества Христова имѣли свою собственную культуру и распространяли вліяніе далеко вокругъ себя. Потребности современного осетина до сихъ порь уживаются съ курной саклей, гдѣ мракъ невѣжества и полное отсутствіе экономического благосостоянія идутъ рука объ руку. Подобное состояніе не есть результатъ нашихъ дней. Оно коренится въ глубинѣ вѣковъ съ одной стороны, во внутреннемъ духовномъ упадкѣ самихъ осетинъ, съ другой въ недостаткѣ годной для обработки земли, что непосредственно вытекаетъ изъ неблагопріятныхъ условій мѣстности, самой котловины, которую ни измѣнить, ни обработать у населенія не хватаетъ ни силъ, ни умѣнья, ни энергіи. Внутренній бытъ, общество

ственная жизнь, уровень умственного и нравственного развития свидѣтельствуютъ о полномъ отсутствіи какого-бы то ни было прогрессивнаго движенія. Не смотря на существованіе множества христіанскихъ церквей, осетины до сихъ поръ не имѣютъ религіи. Сумбуръ, заимствованій изъ христіанской, магометанской и языческой религій, которыми ограничивается религіозное міровоззрѣніе осетина, нельзя назвать религіей. У осетинъ-магометанъ,— напримѣръ въ праздникъ, совпадающей съ нашей Троицей, пекутся хлѣбы непремѣнно треугольной формы; въ кунацкой же христіанина нерѣдкость встрѣтить икону Божіей Матери или Иисуса Христа рядомъ съ портретомъ хозяина или съ картинкой, вырѣзанной изъ какого нибудь моднаго иллюстрированного журнала. Объ умственномъ развитіи нечего и говорить. Существуюшая въ Дала-кау школа—формально-официальная; въ ней, по словамъ нашего проводника, ученики не выучиваются даже грамотѣ. Къ величайшему нашему сожалѣнію, ни школы, ни церкви мы посѣтить не могли, такъ какъ, благодаря начавшимся полевымъ работамъ, большая часть населенія, священникъ, учитель и даже старшина отсутствовали изъ селенія. По дорогѣ мы зашли въ лавку. Судя по наличности товара, торговля въ аулѣ идетъ не шибко. Два три куска кумачу, нѣсколько штукъ ситцу, спички, разноцвѣтное мыло и что-то скрытое отъ глазъ въ коробкахъ—составляли все достояніе лавки. Вообще торговыя учрежденія плохо уживаются съ патріархальными нравами осетинъ-горцевъ. Они привыкли сами удовлетворять всѣ свои потребности. Начиная отъ араки (водки) и кончая чувяками (обувью), въ аулѣ приготовляется все дома, своими средствами. Насколько патріархаленъ быть осетинъ, можно судить потому, что въ горныхъ аулахъ до сихъ поръ нерѣдкость семья въ тридцать и сорокъ человѣкъ. На вопросъ нашъ, какъ они уживаются въ такомъ громадномъ количествѣ, осетины отвѣчали: „Что-же намъ дѣлать? Земли у насъ такъ мало (135 дес. на 536 душъ населенія), что вмѣстѣ мы еще можемъ какъ нибудь жить, а врозь каждому не достанется и по полдесятинѣ“. Интересна женская половина такой семьи, главныя представительницы которой, несомнѣнно чуждыя другъ другу, въ большинствѣ случаевъ, собранныя изъ разныхъ концовъ Осетіи, если не подъ одну крышу, то къ одному очагу; но заглянуть въ этотъ своеобразный мірокъ до крайности трудно. Мужчины очень мало вникаютъ въ отношенія жен-

ицинь между собою. Для него она раба, и какъ раба заслуживаетъ вниманія на столько, насколько она ему нужна, полезна; отъ женщинъ же трудно добиться толковаго слова, т. к. по-русски никто изъ нихъ не говоритъ, бесѣду же черезъ переводчика стѣсняетъ обычай, налагающій на женщину обѣтъ молчаливой скромности въ присутствіи посторонняго мужчины. Всѣ домашнія работы обыкновенно распредѣляются между женщинами такимъ образомъ, что, каждая дѣлаетъ то, въ чемъ она наиболѣе искусна. Одна шьетъ черкески, другая приготовляетъ обувь, третья ткетъ сукна, четвертая печеть хлѣбы и т. д., но при необходимости каждая дѣлаетъ все, что потребуется въ семье. Вся черная работа: уходъ за скотомъ, очистка хлѣбовъ отъ навозу, тасканіе изъ лѣсу дровъ, съ мельницы муки, даже полевые работы лежатъ исключительно на женщинахъ. Робкая, застенчивая въ обществѣ мужчинъ, осетинка совершенно измѣняется, едва переступаетъ порогъ въ женскую половину. Здѣсь обычай не представляетъ къ ней никакихъ требованій, здѣсь изъ манекена она превращается въ живого человѣка, подвижного, веселаго, со всѣми слабостями, свойственными вообще женщинѣ. Шумныя бѣѣды, смѣхъ почти не умолкаютъ въ женской половинѣ въ отсутствіе мужчинъ, но достаточно одному изъ нихъ промелькнуть мимо двери, чтобы улыбка застыла на устахъ осетинки, а голова скромно опустилась внизъ. Только старость освобождаетъ осетинку отъ необходимости вѣчно прятаться отъ мужскаго взгляда, но за то въ старости она окончательно переходитъ на степень домашняго животнаго въ глазахъ осетина. Мы встрѣтили одну женщину, уже немолодую, покрайней мѣрѣ свиду (благодаря неиспильному труду осетинки старятся рано), которая, будучи беременной, тащила на спинѣ съ мельницы въ гору мѣшокъ муки. Впереди, заложивъ руки за спину, шелъ ея мужъ. На наше замѣчаніе, что женщина вредно въ такомъ положеніи таскать тяжесть, осетинъ разсмѣялся и равнодушно отвѣтилъ: „помреть—другую куплю. Развѣ мало дѣвокъ въ аулѣ“.

Намъ нужно было наверстать потерянный вечеръ наканунѣ и потому, не смотря на предупрежденія, что въ жару идти трудно, мы рѣшили сдѣлать еще одинъ переходъ до селенія Хидикусъ. Знойный юльскій полдень все ярче и ярче разгорался надъ ущельемъ. Солнце, взобравшись на самую высью, казалось, остановилось въ раздумьѣ: разомъ-ли спалить беззащитный кло-

чекъ земли или заморить его медленной смертью. Но морить было уже нечего! Поблекшая трава давно посохла, камни раскалились, земля растрескалась и въ неподвижно-застывшемъ воздухѣ тоскливыи ропотъ рѣки, которая точно жаловалась на свое однокое существованіе, бытъ единственнымъ проблескомъ жизни. Котловина захлебывалась въ потокахъ горячихъ лучей, а солнце все грѣло и грѣло. Ничто такъ не разслабляетъ человѣка въ путешестіи, какъ жара! Совершенно бодрые утромъ, мы, точно инвалиды съ поля сраженія, еле плелись по пыльной дорогѣ, безпрестанно останавливаясь въ надеждѣ отдохнуть, но, подъ горячимъ дыханіемъ земли и солнца, остановки разслабляли сильнѣходьбы. Ни единаго ручейка не сбѣгало съ окружающихъ горъ: онъ какъ-бы потеряли всѣ свои соки. Среди желтаго моря почти созрѣвшихъ хлѣбовъ, тамъ и сямъ чернѣли аулы: Кадатъ, Цими-ты, Орзикуа и, наконецъ, большое селеніе Лацъ. Оно находится верстахъ въ четырехъ отъ Дала-кау и тоже имѣеть древнюю церковь и обширное древнее кладбище. Проводникъ разсказывалъ намъ про одну могилу, въ которой, по преданію, погребены будто-бы нарты *). Мы не заходили въ селеніе, но онъ увѣрялъ, что въ аулѣ до сихъ поръ сохранились развалины дома, въ которомъ нѣкогда жили нарты. На востокѣ, неподалеку отъ селенія, возвышается громадная гора Гачинъ, пологіе склоны которой, изрытые глубокими балками и поросшіе субъ-альпійскою растительностью, представляютъ лучшія по всей Куртатіи пастища и единственное отрадное пятно на помертвѣвшемъ ландшафтѣ. Впереди бѣжала все также дорога: ни тѣни, ни защиты отъ палящаго солнца. Напрасно блуждая тоскующимъ взоромъ въ прозрачной дали, мы искали таинственное селеніе Хидикусъ. Оно все еще пряталось отъ насъ за горами. Вдругъ надъ дорогой выросъ рядъ стройныхъ зеленыхъ тополей.

„Наконецъ-то Хидикусъ!“ съ облегченіемъ воскликнули мы.

— „Нѣтъ, до Хидикуса еще двѣ версты“, разочаровалъ насъ проводникъ; „это участокъ Кадуевыхъ. Большея деньги берутъ за него“!

„За что же?“ полюбопытствовали мы.

— „За камышъ. Молодой камышъ скотина єсть лучше всякой травы“.

Дѣйствительно участокъ Кадуевыхъ представлялъ положи-

*) Богатыри и герой осетинскихъ сказаний.

тельно оазисъ. Десятины двѣ, можетъ быть больше, во впадинѣ, на берегу рѣки буквально тонули въ яркой зелени молодого камыша. Лѣтнимъ разливомъ во впадинѣ поддерживается постоянная влага и даетъ ростъ камышу. Троє косцовъ осетинъ дружно косили камышъ и, какъ говорилъ намъ проводникъ, во второй или третій разъ въ текущее лѣто.

Вскорѣ впереди обрисовалось селеніе Хидикусъ, самое большое въ Хидикусскомъ обществѣ. Оно пріютилось на вершинѣ круглого холма и состоитъ изъ 68 дворовъ, съ населеніемъ до 708 душъ обоего пола. Усталые и голодные, мы расположились близи аула, на берегу Фиаг-дона, подъ тѣнью двухъ старыхъ ябловъ, которыхъ, Богъ знаетъ какъ, попали въ Хидикусъ и одиноко доживали свой длинный вѣкъ, служа пристанищемъ въ жаркіе лѣтніе дни хидикусскимъ телятамъ. Говорятъ, лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ, ихъ посадилъ одинъ сельскій учитель. Навозъ и зловонье царили подъ яблонями, но лучшаго мѣста не нашлось для стоянки. Извѣстную пословицу: „Кто не былъ въ Римѣ, тотъ не видалъ ничего“ для путешественниковъ по Кавказу стѣдовало бы передѣлать такъ: „кто не былъ въ Горной Осетіи, тотъ не испыталъ ничего“. Трудно вообразить то положеніе, въ которое становится путешественникъ, являясь въ осетинской ауль не гостемъ, а просто путешественникомъ! Внѣ своей сакли, осетинъ не считаетъ нужнымъ соблюдать правила гостепріимства. Завидѣвъ нашу палатку, изъ дома, точно на пожаръ, сбѣгалось населеніе. Мужчины, женщины, дѣти, все были здѣсь, подгѣ палатки и пожирали любопытными взглядами каждое наше движеніе. Вмѣсто отдыха, мы очутились въ осадномъ положеніи! Изъ всѣхъ щелей лѣзли въ палатку ребятишки. А аульные ребята—это кара Господня для путешественника. Отъ нихъ не отмашешься, какъ отъ осеннихъ мухъ. Ни просьбы, ни вразумленія—ничто не могло убѣдить хидикусцевъ, что намъ нуженъ отдыхъ и покой. Въ довершеніе всего, посланный въ ауль за провизіей проводникъ вернулся не съ чѣмъ. Никто изъ жителей не желалъ продавать ничего, а если находились такие, то требовали баснословныя цѣны. Что-бы не остаться голодными въ гостепріимной Осетіи, пришлось прибѣгнуть къ хитрости. Мы обратились къ одному изъ жителей, маленькому, сѣдому старичку и заявили, что пріѣхали къ нему въ гости и просимъ накормить. Положеніе наше сразу измѣнилось. Изъ равнодушнаго зрителя, старикъ пре-

вратился въ дѣятельного хозяина. Подъ его энергичнымъ на-
тискомъ толпа подалась и, лишенная интереснаго зрелища, част-
ью разбрелась по домамъ, частью застыла въ тупомъ ожиданіи,
кто лежа, кто сидя на голой землѣ. Вооружившись длинной хво-
ростиной, съ почти юношеской рѣзвостью гонялся стариkъ за
непослушными ребятишками, напоминая біблійскаго Елисея, раз-
гнѣваннаго насмѣшками дѣтей. Ребятишки съ гикомъ разбѣга-
лись въ разныя стороны, но едва стариkъ поворачивалъ спину,
вновь саранчей кружились подлѣ палатки. Впрочемъ, послѣ вто-
рой и третьей схватки, въ которой пострадала ни одна спина
юнаго горца, они отступили къ рѣкѣ и держались въ отдаленіи
до самаго нашего выступленія. Водворился такимъ образомъ от-
носительный покой, явилась и провизія, но судьба насть пресль-
довала. Изъ ущелья подулъ сильный порывистый вѣтеръ и дулъ
до самаго вечера. Между тѣмъ въ Хидикусъ прекращалась араб-
ная дорога. Вещи нужно было навьючивать на лошадь, но подъ
такимъ вѣтромъ лошадь съ выюкомъ не могла идти по горнымъ
тропинкамъ. Наконецъ, послѣ продолжительной бесѣды съ хиди-
кусцами, проводникъ отказался сопровождать насть дальше, на-
ходя плату, два рубля въ день, слишкомъ ничтожною... Только
передъ вечеромъ вѣтеръ немного стихъ и мы могли двинуться
въ путь. Новый проводникъ еле объяснялся по русски, но казал-
ся нетронутымъ сыномъ природы. Съ облегченнымъ сердцемъ
покинули мы Хидикусъ, унося самое тяжелое воспоминаніе о че-
тырехчасовомъ пребываніи въ этомъ негостепріимномъ селеніи.
Дорога еще шла по дну котловины, то исчезая въ грудѣ нане-
сенныхъ рѣкою камней, то вновь появляясь все ближе и ближе
къ горамъ. Котловина не мѣняла своего вида, если не считать
небольшихъ порослей низкорослого дубняка, которымъ кое-гдѣ
оживлялись южные склоны, хотя замѣтно съживалась. Но впе-
реди, неуловимо для глаза, одна за другой выростали громады,
сливаясь въ прозрачной дали съ непреступной скалистой стѣной
Бокового хребта, которымъ, казалось, преграждался всякий выходъ
изъ ущелья. Это—передовые отроги Бокового хребта, надвигаясь
другъ на друга замыкали куртатинскую котловину, образуя узкій
глубокій проходъ, который по имени горы Хилакъ (Тепли), даю-
щей начало Фіаг-дону, носитъ название Хилакскаго ущелья. Хи-
лакское ущелье преддверье первого перевала Стыр-хохъ, которымъ
завершается область Фіагдонского бассейна. Солнце склонилось

къ западу, озаряя и котловину, и гребни надвигающихся впереди горъ тѣмъ неровнымъ мерцающимъ свѣтомъ заката, благодаря которому даже полный жизни пейзажъ навѣваєтъ тоску своимъ невозмутимъ спокойствиемъ. Передъ нами же со всею подавляющей грандиозностью лѣзли къ небесамъ громадные хребты и въ своемъ горделивомъ стремлениі стать все выше и выше надъ землей, казалось, не замѣчали, какъ сѣдина убѣлила ихъ маковки, а на изборожденныхъ морщинами и складками склонахъ, точно на увядшемъ лицѣ столѣтняго старца, каждую минуту готовы были погаснуть послѣдніе проблески жизни... Дорога, перескочивъ мостъ, узкой тропинкой полѣзла въ гору. Порывистый вѣтеръ доносилъ изъ ущелья знакомый грозный напѣвъ разъяренной въ тѣснинѣ рѣки, точно предупреждая о трудностяхъ избраннаго нами пути. Вдругъ проводникъ остановилъ лошадь и, усиленно жестикулируя, забормоталъ: „наша пошелъ, лошадь нога мало, мало яманъ“. Мы едва поняли, что въ Харескинѣ нужно подковать лошадь и потому онъ долженъ идти впередъ. Хриплый лай громадныхъ горныхъ овчарокъ свидѣтельствовалъ, что селеніе недалеко. Дѣйствительно, скоро надъ нашими головами, на горѣ обрисовался большой двухъ-этажный домъ, построенный на городской ладѣ—полковника Гутієва, который по выходѣ въ отставку безвыходно живетъ въ Харескинѣ. При домѣ оказался единственный во всей Горной Осетіи болѣе или менѣе благоустроенный фруктовый садъ, въ которомъ мы видѣли яблони, груши, алычу, сливы; изъ овоцей—капусту, картофель и рѣдкую. Узкая, кривая улица подымала насъ все выше и выше въ гору, но склону которой амфитеатромъ раскинулось селеніе, состоящее изъ 18 дворовъ, съ населеніемъ около 170 душъ обоего пола. Каменные харескинскія сакли при вечернемъ закатѣ глядѣли еще печальнѣе. Построенныя въ два этажа, онѣ какъ-то неуклюже торчали вверхъ на встрѣчу буйнымъ вѣтрамъ, вынуждѣнныи и непогодѣ, вопреки всякимъ человѣческимъ удобствамъ, которыхъ, въ постоянной заботѣ о землѣ, горецъ низводитъ до самаго невѣроятнаго минимума. На 97 душъ мужскаго населенія въ Харескинѣ всего удобной земли 64 десятины. Естественно, что жить при такомъ малоземельи горцу не только трудно, но прямо невозможно и рѣдкій изъ нихъ не арендуетъ земли на плоскости, чаще всего подъ кукурузу, не смотря на все неудобство доставки зерна обратно въ аулъ выюками, по горнымъ тропинкамъ, не

всегда доступнымъ и безопаснымъ, гдѣ вмѣстѣ съ лошадьми зачастую гибнутъ и люди. Около одной изъ сакель мы нашли нашу выючную лошадь; уткнувшись въ стѣну, она одиноко дремала. Процессъ кованія еще не начинался. Ни кузнеца, ни проводника даже близко не было. Осетинъ не привыкъ торошиться. Что ему за дѣло, что вечеръ надвигался надъ головами, и что передвиженіе впотьмахъ не входило въ интересы путешественниковъ! Рабъ традиціоннаго обычая, онъ прежде всего долженъ навѣстить своихъ родственниковъ, подѣлиться „хабаромъ“ (новостями), а дѣло, по его убѣждению, не убѣжитъ. И вотъ, благодаря такому воззрѣнію, то у кузнеца не оказывалось готовыхъ подковъ, то, находились подковы, куда-то исчезалъ кузнецъ. Время шло, проводникъ бродилъ изъ сакли въ саклю, а мы ждали, да ждали, чувствуя полное безсилие подвинуть дѣло хоть на юту въ этой дикой странѣ, гдѣ время не имѣеть цѣнности, гдѣ обычай вершаетъ судьбы не только обывателей, но и всякаго заѣзжаго человѣка, волей или неволей столкнувшагося съ обывателемъ. Поэтому, покинувъ селеніе, мы еще благодарили судьбу, что отѣллялись всего полуторачасовой задержкой. Намъ предстояль переходъ верстъ въ восемь черезъ узкое Хилакское ущелье, до сѣдѣющей селенія Гутіат-кавъ. Изгинаясь между горбами склона, тропинка то опускалась, то вновь поднималась все время высоко надъ рѣкой. Горы толпой надвигались съ обѣихъ сторонъ. Вечеръ тихо спускался надъ ущельемъ. Какая-то унылая пустота водворилась кругомъ, точно вмѣстѣ съ солнцемъ отлетѣла живая бодрящая спирь, безъ которой жутко человѣку оставаться съ глазу на глазъ съ дикой природой. Впереди мрачно зіяла узкая Хилакская тѣснина... Прорытая все тѣмъ же дѣятелемъ Фіаг-дономъ, который, своей неутомимой энергией, на этотъ разъ распилилъ сѣверную, самую высокую часть Бокового хребта, тѣснина, видимо, тоже играла какую то роль въ историческихъ судьбахъ Хилака. У входа въ ущелье уцѣлѣли три башни и остатки стѣны, которой никогда запиралось ущелье во всю ширину. Стѣна сложена изъ цементъ и мѣстами уже разрушилась, но башни, носившія название Уаля Масакъ, довольно хорошо сохранились. Одна, впрочемъ, въ самомъ низу, на берегу Фіаг-дона разрушена обломкомъ скалы, сорвавшимся сверху. Ни проводникъ, ни сопровождавшіе насъ до ущелья харескинцы ничего не знали о происхожденіи этой стѣны. По всей вѣроятности, она, какъ и другія по-

добнаго же типа древнія постройки, относится къ феодальному вѣку Осетіи. Мы перешли мостъ и стали углубляться въ ущелье. Среди глубокаго мрака, царящаго на днѣ тѣснинѣ, два отвѣсные склона громадныхъ хребтовъ какъ-бы отрѣзали насъ отъ всего живого міра. Впереди сквозь вечернюю мглу не видно было даже просвѣта. Горы какъ-бы срослись, преграждая намъ всякий выходъ изъ ущелья. На узкой полосѣ неба, словно размашистый росчеркъ пера, тѣмнѣли прихотливыя очертанія гребней. Громадныя скалы, нависшія съ обѣихъ сторонъ надъ тѣсниной, казалось, не падали отъ страха попасть въ пучину клокочущей на днѣ рѣки, отъ которой до насъ время до времени долетали каскады бѣлыхъ трепещущихъ брызгъ. Увлекаемые непреодолимымъ течениемъ громадные камни, ударяясь другъ о друга, грохотали на днѣ рѣки и этотъ грохотъ, вмѣстѣ съ оглушительнымъ плескомъ волнъ и рѣзкимъ шипящимъ шумомъ куда-то неудержимо стремящейся воды, наподобіе несмоткаемыхъ раскатовъ грома, потрясали ущелье. Мы точно попали въ омутъ, единственный выходъ откуда остался за нами, а кругомъ кипѣла такая ошеломляющая работа воды, предъ которой цѣпенѣлъ умъ человѣческій. Ночь, между тѣмъ, окончательно окутала ущелье, сравняла горбы, стесала скалы, заполнила мракомъ пропасти. Мы видѣли дорогу на два шага впереди, да на узкой полосѣ неба ярко горящія звѣзды. Нога то тонула въ щебнѣ, то натыкалась на камни. Тропинка съ осини перешла на древнюю морену по правому боку отвѣснаго склона горы Сырху-барзона. Громадные валуны заполняли дно рѣки, обрывистые берега, тропинку и склоны горы. Перескакивая съ камня на камень, мы медленно подвигались впередъ. Порывистый вѣтеръ изъ глубины ущелья налеталъ съ такою силою, что приходилось безпрестанно останавливаться, чтобы устоять на ногахъ. Ни страхъ, ни усталость ничто не смущало подавленныхъ нервовъ. Мы шли потому, что нужно было итти, потому что впереди шелъ проводникъ, который одинъ только зналъ, гдѣ мы и куда идемъ. Только, когда горы раздвинулись и вмѣсто узкой полосы предъ нами открылась цѣлая площадь сверкающаго звѣзднаго неба, съ души точно свалилась какая-то тяжесть, и вдругъ проснулось страшное желаніе поскорѣе добраться до мѣста и отдохнуть. Но еще долго, долго, спотыкаясь о камни, мы брели между какихъ-то холмовъ. Со склона по каменистому осову мы спустились къ рѣкѣ, перешли мостъ,

снова поднялись надъ рѣкой и стали углубляться въ сонный ауль Гутіат-кавъ, предоставляя проводнику устраивать насть на ночлегъ. На этотъ разъ проводникъ не заставилъ себя долго ждать. Въ ближайшей сакль вдругъ вспыхнулъ огонекъ... Толпа какихъ-то людей увлекала насть по узкому ходу на верхъ и мы очутились въ довольно чистой кунацкой одного изъ зажиточныхъ обитателей селенія, гдѣ нашлась даже европейская мебель: столъ и нѣсколько деревянныхъ стульевъ. Наскоро утоливъ голодъ, мы, какъ снопы, полегли на полу и заснули крѣпкимъ сномъ.

III.

Когда раннимъ утромъ на слѣдующій день мы вышли на крыльцо, то были поражены той перемѣной, какая произошла за нашъ переходъ въ окружающей природѣ. Предъ нами разстилалась просторная Хилакская долина, буквально утопавшая, съ окаймляющими ее горами, въ свѣжей изумрудной зелени травъ, точно здѣсь только что пробуждалась весна. Незамѣтно для глаза, мы уже поднялись свыше пяти тысячъ шестьсотъ футовъ надъ уровнемъ моря. Соответственно этой высотѣ, измѣнился характеръ окружающихъ горъ, растительность, температура, даже самъ воздухъ. Мы находились въ полосѣ пастбищъ, гдѣ древесной растительности совсѣмъ нѣтъ. Въ то время какъ тамъ внизу, въ Куртатинской котловинѣ, растительность почти отжила, придавая и окружающей мѣстности какой-то старческій видъ, здѣсь, на верху, полнымъ разцвѣтомъ силъ и молодости она сглаживала всѣ шереховатости, всѣ пробѣлы хаотически взволнованной почвы. Горы точно оживали, чѣмъ ниже спускались къ долинѣ, и эта жизненность придавала какую-то особенную прелестъ ихъ грандіозности. Внизу подъ нами, по склону горы, до самой рѣки раскинулось селеніе Гутіат-кавъ, состоящее изъ 9 дворовъ съ населеніемъ до 79 душъ обоего пола, когда-то въ древности крѣпость, игравшая важную роль въ исторіи Осетіи; въ настоящее же время Гутіат-кавъ славится своимъ прекраснымъ сыромъ. Ауль только что пробуждался къ жизни. Женщины вяло начинали свой трудовой день. Однѣ спускались въ хлѣва доить коровъ, овецъ, которыя оглашали воздухъ нетерпѣливымъ мычаніемъ и блеаніемъ, другія, взваливъ на плечи громадные мѣдные кувшины, медленно гуськомъ пробирались къ рѣкѣ, единственному мѣсту свиданія, къ которому ежедневно собираются осетинки и обмѣниваются те-

кущими новостями, печалями и радостями; третьи, изгинаясь подъ тяжестью громадныхъ мѣшковъ съ кукурузой, спѣшили на мельницу и т. д. Мужская половина еще бездѣйствовала. Бодрствовалъ только нашъ хозяинъ, очевидно, связанный требованіями гостепріимства. Въ большой бараньей шубѣ, безъ всякаго видимо дѣла, онъ уныло бродилъ по крохотному дворику съ старымъ нашимъ проводникомъ, точно изъ-подъ земли выросшимъ предъ нами въ Гутіат-кавѣ. Судьба благопріятствовала намъ. Даже Инусъ, проводникъ нашъ, не задержалъ насъ ни одной лишней минуты. Изъ Гутіат-кава мы снова перебрались на противуположный берегъ и по зеленой муравѣ направились въ глубину ущелья. Изумрудному морю, которое открывалось предъ нами, казалось, не было ни конца, ни предѣла до самого синяго неба. Справа еще долго темнѣлъ ауль, желтѣли гутіаткавскія нивы. На нихъ колосья только что начинали наливаться и волнуемый легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ, какъ-бы нехотя склонялъ свою еще стройную голову. Температура воздуха была такъ низка, что сначала мы дрожали отъ холода въ своихъ легкихъ лѣтнихъ костюмахъ. Хозяинъ сакли, въ которой мы ночевали, шелъ съ нами до какой-то „большой воды“. Обычай обязывалъ его вывести насъ, какъ гостей, невредимыми за предѣлы аульныхъ владѣній. О той-же „большой водѣ“ толковалъ намъ и проводникъ, но оба они такъ плохо изъяснялись по-русски, что мы ничего не поняли, да и настроеніе было настолько жизнерадостное, что даже самое отдаленное предположеніе какого-либо препятствія какъ-то совсѣмъ не приходило въ голову. Предъ нами пробуждающееся къ дневной дѣятельности солнце золотило гребни горъ, на орошенной утренней росой травѣ тамъ и сямъ мелькали цвѣты, свѣжий утренній воздухъ обдавалъ благоуханіемъ горныхъ луговъ—и кроме солнца, цвѣтовъ и этого ароматнаго воздуха, благодаря которому такъ легко дышалось, не хотѣлось ничего знать. Мышли по дну долины, которая вмѣстѣ съ русломъ рѣки замѣтно повышалась. Флаг-донъ значительно обмелѣлъ и журчалъ какъ-то слабо по дѣтски, не производя никакого впечатленія своимъ присутствиемъ. Съ обѣихъ сторонъ, наподобіе гигантскихъ изумрудныхъ сфинксовъ, въ долину вдавались своими концами отроги Бокового хребта, образуя короткія ущелья, поперечные балки, овраги, но, въ своемъ стремлѣніи внизъ, склоны уже не обрывались, а мягко, хотя и круто, бархатнымъ зеленымъ ковромъ сбѣгали

къ долинѣ. Только далеко впереди громадный остроконечный мысъ, усыпанный темными пятнами—валунами, глубоко вдаваясь въ долину, круто обрывался скалой, которая одиноко и рѣзко выступала среди окружающей зелени. Мысомъ долина какъ-бы раздваивалась. Прямо передъ нами темнѣло узкое боковое ущелье Дзамарат-комъ. До скалистой стѣны Бокового хребта,увѣнченной снѣговыми вершинами, въ которую какъ-бы упиралось ущелье Дзамарат-комъ, казалось всего нѣсколько верстъ въ прямомъ направлениі. Высота предстоящаго намъ первого перевала граничила съ снѣговой линіей. Небольшая рѣчечка Дзамарат-комъ, стремительно вырывающаяся изъ ущелья, широкимъ разливомъ разсыкала долину. Фіаг-донъ, сливаясь съ нею, сворачивала вправо и, прикрытая горами, исчезала изъ глазъ. Кругомъ царила тишина и какое-то величественное спокойствіе, точно въ гармоническомъ сочетаніи красоты и моці, улеглись всѣ страсти, всѣ еще недавно бурные порывы капризной горной природы. Только настухи, перекликаясь другъ съ другомъ, время отъ времени оглашали воздухъ дикой протяжной пѣсней, да эхо глухо вторило имъ изъ различныхъ угловъ ущелья. Тамъ и сямъ, на высотѣ, едва досягаемой глазомъ, по зеленымъ откосамъ спокойно бродили стада овецъ, ежегодно сгоняемыя съ разныхъ концовъ плоскости на сочныя горныя пастища, съ одной стороны, что-бы предохранить овецъ отъ томительного зноя на плоскости, а шерсть—отъ репейника и другихъ колючихъ травъ, благодаря которымъ зачастую половина шерсти непроизводительно пропадаетъ, и съ другой—дать имъ самый здоровый и питательный кормъ, отъ которого овцы быстро жирѣютъ, а мясо ихъ становится гораздо вкуснѣе. Правда, въ горахъ овцы очень часто гибнутъ отъ бурь, непогоды и хищнаго звѣря, но во всякомъ случаѣ не въ такомъ количествѣ, въ какомъ пропадаютъ они на плоскости, благодаря воровству, скотокрадству, не мыслимому въ горахъ, гдѣ всѣ тропы и дороги идутъ черезъ населенные пункты, гдѣ вору некуда дѣться, и рано или поздно онъ попадется въ руки мѣстныхъ властей... Солнце не спѣша заглянуло въ долину и, осушая ночные слезинки съ травъ и цвѣтовъ, дохнуло и на насъ тепломъ. Подъ этимъ ласковымъ дыханьемъ солнца, казалось, все вокругъ слилось въ одинъ хвалебный гимнъ прекрасной, вѣчно юной природѣ, которая одна не знаетъ различій въ распределеніи своихъ благъ.

Мы незамѣтно подходили къ рѣкѣ. Группа полунаагихъ ребятишекъ, спокойно рѣзвившаяся на противоположномъ берегу, при нашемъ приближеніи, въ какомъ то безумномъ страхѣ стремглавъ бросились въ рѣку. Едва справляясь съ сильнымъ течениемъ, мальчуганы роняли косматыя шапки въ воду и, оглашая воздухъ испуганными криками, безъ оглядки устремились въ селеніе Андіати-кау, скромно пріютившееся вблизи сліянія двухъ рѣкъ. Тутъ только мы вспомнили о „большой водѣ“ и невольно задумались. Ни моста, ни какихъ либо другихъ приспособленій для иѣшей переправы черезъ рѣку не было. Приходилось перебраться или способомъ ребятишекъ, или верхомъ на лопади. Мы, конечно, избрали послѣднее. Любезность бывшаго нашего хозяина тронула насъ до глубины души. Онъ принималъ горячее участіе въ нашей судьбѣ и успокоился только тогда, когда взгромождаясь по очереди на выючную деревяшку (сѣдла съ нами не было) мы наконецъ всѣ благополучно перебрались на противоположный берегъ, но и послѣ того, еще долго, долго онъ слѣдилъ за нами, время отъ времени указывая жестами намъ направлѣніе. Слѣдуя теченію рѣки, мы свернули на право, но пошли не берегомъ (Фіаг-донъ, огибая мысъ, дѣлаетъ колѣно), а по верху, въ прямомъ направлѣніи пересѣкная выступъ. Намъ нужно было подняться сажень на триста надъ рѣкою и спуститься въ долину по противоположному склону выступа. Подъемъ былъ не крутой. Громадные валуны, остатки древней морены, наподобіе надгробныхъ памятниковъ въ беспорядкѣ унизывали мысъ и непосредственно прилегающіе къ нему склоны хребтовъ отъ самого верху до подошвы, гдѣ склонялись цѣлою грудою. Казалось, они только на время застыли въ томъ положеніи, въ какомъ подъ давленіемъ льдовъ двигались съ вершинъ, хотя по сѣдымъ порослямъ мховъ видно было, что со дня появленія ихъ на склонахъ, прошелъ не одинъ вѣкъ. Даже темный человѣкъ невольно задумывался, глядя на эти громадные камни, такъ рѣзко, такъ странно выступающіе среди гладкихъ, точно въ шелкъ прінаряженныхъ горныхъ луговъ. По словамъ проводника, осетины такъ объясняютъ происхожденіе валуновъ. Когда былъ всемирный потопъ и вода поднялась выше самыхъ высокихъ хребтовъ, камни съ вершинъ всплыли на поверхность воды. Затѣмъ, по мѣрѣ убыли, камни осаждались гдѣ попало по склонамъ. Вотъ почему ихъ зачастую можно встрѣтить тамъ, гдѣ самый характеръ горъ

какъ-бы отрицаетъ всякую возможность существованія камней.

Откуда-то набѣжавшая тучка заслонила солнце и дождь крупными каплями посыпалъ на насть. Перспектива промокнуть до костей заставила насть поторопиться. Очевидно, гдѣ-то далеко, далеко разразилась гроза и только краюшкомъ своимъ задѣла Фіагдонское ущелье. Мы быстро взобрались наверхъ и также быстро, лавируя между камней и засѣянныхъ хлѣбомъ пашень, почти сѣѣвали въ долину, дно которой уже не представляло прежней ровной поверхности; оно было всхолмлено и рядами ступеней вздыпалось почти отъ самыхъ береговъ къ склонамъ, отчего Фіагдонъ казался болѣе углубленнымъ въ своеемъ руслѣ. Онъ окончательно перешелъ на степень ничтожной рѣченки, глядя на которую совершенно не вѣрилось, что всего верстъ десять пятнадцать ниже онъ могъ тащить за собою громадные камни и наводить ужасъ своимъ оглушительнымъ ревомъ. На днѣ долины темнѣло небольшое селеніе Бугулты-кау, состоящее всего изъ 8 дворовъ и 66 душъ населенія. Громадные псы, встревоженные нашимъ появлениемъ, огласили долину громкимъ сердитымъ лаемъ. Изъ опасенія попасться на зубы громадныхъ горныхъ овчарокъ, мы тѣсною группой приближались къ аулу, держа на готовѣ свои альпенштоки. На лай собакъ изъ сакель выбѣжали женщины, дѣти и какъ-бы замерли въ нѣмомъ изумленіи. Привѣтствіе на осетинскомъ языке вызывало всторженныя улыбки на изумленныхъ, почти испуганныхъ лицахъ, но никто не проронилъ ни единаго слова въ отвѣтъ, не пошевельнулся съ своего мѣста, пока мы не миновали селеніе. Даже мальчишки точно растеряли свою обычную неустранимость и только вдогонку рискнули крикнуть: „дафндарасто“! (добраго пути).

Мало по малу тучка разсѣялась и дождь пересталъ насть мочить. Солнце во всѣ глаза глядѣло въ долину, но ужъ не грѣло, а пекло. Проснулся аппетитъ и усталость давала о себѣ знать. Силы какъ-то разомъ покинули насть. Переѣхавъ съ террасы на террасу, мы вяло подвигались впередъ. Даже природа перестала плѣнять насть своими красотами и какая-то неувѣренность тѣснилась въ душѣ при мысли, что все это цвѣтики, а ягодки еще впереди. По маршруту привалъ рѣшено было сдѣлать подъ самымъ переваломъ Стыр-хохъ, чтобы съ свѣжими силами преодолѣть всѣ трудности подъема, а мы, женщины, наперекоръ всѣмъ маршрутамъ готовы были растянуться тутъ-же, на

зеленої травѣ и хотѣ на мгновеніе дать отдыхъ своимъ усталимъ членамъ. Послѣднимъ селеніемъ въ области Фіагдонскаго бассейна было Колоте, состоящее всего изъ 4-хъ дворовъ съ населеніемъ 26 человѣкъ обоего пола. Оно пріютилось на противу-положномъ отъ насъ берегу, на вершинѣ крутого и высокаго обрыва въ рѣку, представляеть самый высокій (7746 фут. надъ ур. м. по баром. измѣр. Абиха) и крайній населенный пунктъ въ Терской области и границу произростанія культурныхъ злаковъ. Выше Колоте не растетъ даже ячмень; всюду разстилаются субальпійскіе луга, служащіе прекраснымъ пастищемъ, благодаря которымъ молочные продукты пріобрѣтаютъ высшія качества и славятся на весь Сѣверный Кавказъ. Нѣсколько человѣкъ осетинъ вышли къ намъ на встрѣчу изъ селенія. Они порожали своимъ высокимъ ростомъ и прекраснымъ тѣлосложеніемъ. Колотинцы разспрашивали проводника о насъ, о нашемъ пути и печально качали головами, глядя на насъ женщинъ, когда узнали, что мы идемъ на Стыр-хохъ. „Дорога яманъ!“ перевѣль намъ Инусъ ихъ длинныя рѣчи“. „Яманъ, яманъ!“ подхватили осетины, но это нисколько не помышало имъ спросить три рубля за верховую лошадь до перевала для одной изъ насъ, путешественницъ. Мы давали два рубля, но колотинцы не соглашались.

Отъ Колоте дорога поднималась все выше и выше. Растильность замѣтно бѣднѣла. Цвѣты попадались рѣже и не блистали разнообразiemъ окрасокъ. Короткій дернъ едва прикрывалъ почву. Видно было, что долина доказывала свое послѣднее слово и конецъ ея былъ уже не за горами. Насъ стало мучить беспокойство, найдется-ли топливо на той высотѣ, гдѣ мы предполагали остановиться на отдыхѣ. Разспросы, обращенные къ проводнику, не дали никакого утѣшенія. Оказалось, онъ самъ былъ въ первый разъ въ этихъ мѣстахъ. Опасенія наши увеличились еще больше, когда впереди, слѣва, показался снѣжный осовъ, сѣробурымъ громаднымъ языкомъ сползвшій въ долину съ одного изъ отроговъ Стыр-хоча, а еще дальше гора Тешли (Хилакъ) выступала своими вѣчными льдами. Множество ручьевъ, сѣга изъ-подъ снѣгового осова, впадало въ Фіаг-донъ, который и самъ развѣтвлялся на нѣсколько рукавовъ и какъ-то безпорядочно разсѣкалъ долину въ различныхъ направленияхъ, затоцляя впадины, образуя болота, топи-трясины, предательски прикрытыя болотными зелеными травами, на которыхъ ступая но-

га моментально погружалась въ воду. Проводникъ растерялся, не зная какое взять направлениe среди этой массы воды. Мы тоже беспомощно переходили съ мѣста на мѣсто въ надеждѣ отыскать бродъ. Вдругъ позади раздался лошадинный топотъ. Во всю моло-децкую прыть на насъ мчался осетинъ. „Давай денга“! прогово-риль онъ, осаживая лошадь. Это былъ тотъ самый осетинъ, у котораго близъ Колоте мы хотѣли взять верховую лошадь. Толь-ко теперь, когда мы прошли болѣе шести верстъ и успѣли уже позабыть и о лошади, и о немъ самомъ, онъ надумалъ согласить-ся на наши условія. Лошади, конечно, мы не взяли, но восполь-зовались его указаніями на счетъ дороги. Пѣшая тропа шла вер-хомъ, лошадь же пришлось вести въ обходъ. По гребню ближай-шей горы мы обогнули топъ и, перескакивая черезъ прозрачные, какъ кристаль ручьи, поднялись на снѣжный осовъ. Засыпан-ный сверху пескомъ снѣгъ хрустѣлъ и проваливался подъ нога-ми. Долины, какою мы ее знали, уже не было. Она точно раз-зомъ, въ нѣсколько часовъ отжила, состарилась, превратилась въ желтый взъерошенный скелегъ широкой котловины, замкнутой, стиснутой со всѣхъ сторонъ горами, извѣстной подъ именемъ котловины истоковъ рѣки Фіаг-дона или Верхне-Хилакской до-лины. Прямо передъ нами возвышалась гора Тепли. Вѣчные льды съ ея вершины мертвымъ неподвижнымъ каскадомъ сбѣгали внизъ и упирались въ конечную морену почти у подошвы. На-право круто обрывались въ котловину скалистые склоны Боково-го хребта, тоже безжизненные, желтые. Фіаг-дона, какъ рѣки, тоже не было. Изъ подъ ледниковыхъ горы Тепли сбѣгали ручьи, сливались на днѣ котловины въ одинъ мутный желтый истокъ, къ которому со всѣхъ окружающихъ горъ съ какою-то бѣшенной поспѣшностью падали, скатывались такие-же потоки, образуя цѣ-лую сѣть быстро бѣгущихъ рѣчекъ, которые о чёмъ-то шепта-ли, на что-то роптали, ворчали, журчали, но не заглушали во-проса: къ чему это обиліе влаги, это жгучее іюльское солнце, когда котловина давно умерла и ничто уже не пробудить къ жизни желтаго щебня, голыхъ скалъ и вѣчныхъ льдовъ!...

Мы были пріятно изумлены, когда сойдя съ осова, взгля-нули нальво. Прятавшійся до сихъ поръ за передовыми отрога-ми переваль Стыр-хохъ открылся передъ нами во всей своей кра-сотѣ. Только въ горахъ температура, воздухъ, атмосферическія явленія, характеръ мѣстности, картины, пейзажи могутъ мѣняТЬ-

ся чуть-ли ни съ каждымъ новымъ шагомъ, причемъ самые рѣзкіе контрасты, самыя удивительныя противоположности здѣсь уживаются рядомъ. Стыр-хочъ, по крайней мѣрѣ нижняя часть его, утопала въ зелени. На насъ снова пахнуло весенней свѣжестю и журчащіе ручейки сразу получили свой смыслъ и значеніе. Возвышаясь надъ котловиной тремя террасами, Стыр-хочъ какъ-бы не хотя подчинялся роковой необходимости вмѣстъ съ высотой терять и свою жизнедѣятельную силу. Яркая пышная зелень первой террасы желтѣла и мельчала на второй и совершенно исчезла на третьей, гдѣ на темномъ, почти черномъ, фонѣ шиферныхъ осыпей, тамъ и сямъ въ ложбинахъ неправильными бѣлыми пятнами залегать снѣгъ. Самый перевалъ представлялъ перемычку между двумя конусами.

— „Гдѣ-же дорога“? спросилъ кто-то изъ насъ.

„А вонъ, бѣловатой змѣйкой вѣется по осыпи“.

Дѣйствительно по осыпи чуть замѣтной свѣтлой полоской извивалась тропинка, по которой намъ и предстояло взобраться на десятитысячную высоту перевала. У подножья первой террасы, на зеленої мягкой лужайкѣ, на берегу шумнаго бурнаго цстока, который стремительно вырывался изъ-подъ ледянной глыбы надъ нами, вскорѣ сколотивъ шалашъ изъ бурокъ и альпенштоковъ отъ палящаго солнца, мы наконецъ расположились на отъыхъ. Къ величайшему нашему удовольствію, по близости, на горахъ оказались поросли рододендрона. Явилась возможность утолить голодъ и жажду даже съ комфортомъ. Черезъ какойнибудь часъ, силы наши возстановились. Это особенное свойство горнаго воздуха, понятное только тѣмъ, на долю которыхъ хоть разъ выпадало одно изъ величайшихъ наслажденій въ человѣческой жизни—путешествіе по горамъ. Точно вмѣстъ съ воздухомъ какими-то невѣдомыми путями вливается въ человѣческій организмъ и стихійная энергія вѣчно юной прекрасной горной природы и почти нѣть силъ преодолѣть страшнаго желанія проникнуть все дальше, все глубже, въ самые сокровенные ея тайники.

По ниже нашего шатра уже собралась группа пастуховъ. Это были мальчики 13—14 лѣтъ. Наивными любопытными взглядами они слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ, предупреждая каждое наше желаніе: угощали овечьимъ молокомъ, водой изъ углекислого источника, который былъ тутъ-же недалеко отъ потока. Видно было, что въ ихъ одинокой бродячей жизни

встрѣча съ нами представляла не простой случай. Солнце жгло пемилосердно, но это не мѣшало время отъ времени холодному рѣзкому вѣтерку пронизывать насъ насквозь. Тѣсно прижавшись другъ къ другу, съ какимъ-то стоическимъ хладнокровіемъ, надъ ручьемъ понурились овцы. Прохладное дыханіе ручья охлаждало ихъ разгоряченныя солнцемъ головы.

Подниматься на Стыр-хохъ сначала даже было пріятно. Узкая тропинка среди прекрасной зелени вилась зигзагами, причемъ каждый поворотъ, поднимая насъ все выше и выше надъ котловиной, открывалъ намъ что-нибудь новое, если не впереди, гдѣ за переваломъ ничего еще не было видно, то позади насъ. Тѣ-же самыя горы, которыя мы видѣли снизу, являлись совершенно иными, чѣмъ съ большей высоты мы на нихъ смотрѣли. Начать съ того, что та часть Бокового хребта, которая непосредственно образуетъ Хилакскую котловину, была, какъ на ладони; мало того, открывались и другие кряжи, какъ оказалось, попечные отроги Бокового хребта, кое-гдѣ покрытые снѣгомъ, съ такими же прихотливыми очертаніями гребней. Ледянной каскадъ горы Тепли, чѣмъ выше, открывался все шире, и уже со второй террасы мы явственно видѣли громадное ледяное поле, родъ котловины, замкнутое черными обнаженными скалами, торчащими высоко надъ нимъ. При яркомъ полуденномъ солнечномъ освѣщеніи, при совершенно прозрачномъ воздухѣ, каждый ледяной потокъ, каждый остроконечный выступъ, каждая складка выступали съ такою очевидной рельефностью, а всѣ вмѣстѣ горы, съ своими гребнями, скалами, льдами и снѣгами представляли такую грандиозную величественную картину, которой не воспроизвести даже самой искусной кисти художника. Благодаря разряженному воздуху на высотѣ, солнце обжигало лицо, руки и шею до пузырей, а ити, чѣмъ дальше, становилось труднѣе. Тропинка стала менѣе извилистой. На третьей террасѣ пришлось лѣзть прямо чуть не на стѣну по сыпучему щебню. Лошадь шла далеко впереди насъ и безъ сожалѣнія нельзя было смотрѣть, какъ несчастное животное съ трехъ-пудовою кладью на спинѣ становилось почти на дыбы, еле карабкаясь по крутыму откосу. Больше десяти шаговъ въ одинъ пріемъ мы уже не могли дѣлать, безпрестанно останавливались или садились, съ трудомъ преодолѣвая порывы сильного вѣтра, который дулъ тѣмъ ожесточеннѣе, чѣмъ выше мы поднимались. Между тѣмъ картина

ледника Тепли опять измѣнилась. Вместо одного ледяного потока, мы теперь видѣли цѣлыхъ десять, отдѣленныхъ другъ отъ друга черными скалистыми гривами фирновыхъ полей, которыя, упираясь въ выступы вершины горы Тепли, окаймляли ее въ видѣ полуокруга. Мы уже давно потеряли тропинку и лѣзли на прямикъ,—на лошадь, которая, путеводнымъ маякомъ стояла на перевалѣ, на самой перемычкѣ. Утомленные, разгоряченные, мы наконецъ влѣзли на перевалъ. Холодный порывистый вѣтеръ съ какою-то яростью срывалъ съ насъ шляпы, фуражки и едва не валилъ съ ногъ. Съ большимъ трудомъ мы закутались въ бурки и прилегли на камняхъ подъ скалой.

Переваль Стыр-хочъ *) представляетъ узкую площадку между двумя конусами, круто обрывающуся съ одной стороны въ Хилакскую котловину, а съ другой въ Закинскую долину. Здѣсь, къ нашему удивленію, мы встрѣтили саму разнообразную альпийскую флору—и какую флору! Незабудки, колокольчики, бѣлыя и розовыя примулы, желтые лапчатки, темносинія горечавки, фіалки пестрѣли цѣлыми куртинаами—все, правда, мелкіе, низкорослые, но яркіе и красивые. Казалось, кто-то нарочно только что разсыпалъ всѣ эти цветы, чтобы смягчить темный, почти черный, непріятный цветъ сланцеваго щебня, которымъ закрыта была вся площадка перевала. Камни, на которыхъ мы отдыхали, оказались остатками какой-то постройки, по всей вѣроятности, древняго осетинскаго калища, отъ бурь и непогодъ давно разрушившагося, но до сихъ поръ чтиаго осетинами, какъ священное мѣсто, куда въ известные дни въ году они собираются для молитвъ и жертвоприношеній. Подъ камнями тщательно обернутыя въ тряпки лежать мелкія серебряныя монеты нашего времени, восковыя свѣчи и какіе-то лоскутки. Къ сожалѣнію, мы не могли узнать рѣшительно ничего, даже имени того святого, въ честь которого здѣсь устроено калище. Въ переводѣ на русскій языкъ „Стыр-хочъ“ значить „Большая гора“, но по сравненію съ тѣми горами, которая открывались передъ нашими изумленными взорами, она казалась пигмеемъ, едва достигающимъ снѣговой линіи. Переваль Стыр-хочъ представляетъ одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, откуда для наблюдателя открывается рѣдкая картина, рѣд-

*) Высота Стыр-хоча (перевала между Нар-дономъ и Фіаг-дономъ), по барометрическимъ измѣреніямъ Абиха и Закавказской Тріангуляціи (№ 144 списка, помѣщенаго въ Кавказскомъ календарь за 1857 годъ), показанъ въ 10846 фут. и. ур. м.

кая возможность на сравнительно небольшомъ разстояніі обозрѣть высокіе хребты отъ подошвы до гребней и снѣговыхъ вершинъ, со всѣми характерными для такой высоты особенностями въ климатѣ, начиная отъ вѣчныхъ снѣговъ полюса, чахлой флоры сѣвера и кончая прекрасными подъ-альпійскими лугами умѣренной полосы. Это—центръ, вокругъ котораго, точно на выставкѣ, сверкая на солнцѣ, тамъ и сямъ возвышаются снѣговыя вершины, то въ видѣ куполовъ, то въ видѣ остроконечныхъ или усѣченныхъ конусовъ, уносящіяся въ синеватую высь небесъ, съ безчисленнымъ множествомъ ледниковъ, упирающихся въ черную массу гребней. На югъ, юго-востокъ и юго-западъ весь горизонтъ захватывалъ Главный Кавказскій хребетъ съ своими отрогами. Съ десятитысячной высоты Стыр-хоча Главный хребетъ выступалъ больше чѣмъ на сто верстъ: передъ нами открывались очертанія не только передовыхъ или самыхъ высокихъ частей его, нѣтъ, мы видѣли всю семью грандіозныхъ вершинъ, самый гребень и всѣ отроги хребта въ такомъ хаотическомъ беспорядкѣ, который рѣшительно не поддается описанію. Цѣпляясь, заслоняя, возвышаясь одна надъ другою съ какимъ-то непостижимъ упорствомъ, толпились, лѣзли другъ на друга вверхъ и обрывались внизъ остроконечные пики, скалистые горбы, то обнаженные, черные, то слегка запорошенные снѣгомъ и безчисленнымъ множествомъ залегающихъ между ними ледниковъ, пещермычекъ, скаль, выступовъ—и надъ всѣмъ этимъ безжизненнымъ, неподвижнымъ хаосомъ, точно послѣдний вздохъ замирающей стихійной энергіи—гладкіе, точно отполированные снѣговые конусы: Рес-хочь (Рез-х.), Сахсь (съ Рокскимъ переваломъ между ними), Зильга-хочь („крутящаяся гора”—въ переводѣ на русскій языкъ), наподобіе трехъ-главаго соборнаго купола и множество другихъ безъимянныхъ. Чтобы ориентироваться, отыскать какую нибудь послѣдовательность или какую нибудь связь въ этомъ дикомъ необузданномъ, но величественномъ творчествѣ великой природы, человѣческому уму нужно много знаній, много труда! Отъ снѣговыхъ вершинъ глазъ находить отдохновеніе только далеко внизу на мягкихъ яркозеленыхъ подъ-альпійскихъ лугахъ, которыми закрыты склоны до самой подошвы, до самаго дна залинской долины, затонувшей въ такой необъятной глубинѣ, что голова кружилась при одной попыткѣ взглянуть на нее. На сѣверо-востокѣ выступалъ Боковой хребетъ, въ составѣ котораго

входилъ и самъ Стыр-хочъ, одною снѣговой вершиной Сивераутъ. На кряжѣ, соединяющемъ Главный хребетъ съ Боковымъ, между снѣговыми вершинами Сивераутъ и Зильга-хочъ, въ юго-западномъ направлениіи виднѣлись два перевала: Сба и Трусь, тотъ самый Трусь, на который подняться намъ теперь предстояло и съ котораго, какъ говорили путешественники, въ ясную безъоблачную погоду, можно видѣть не только почти весь Кавказскій хребетъ, но и Закавказье. Тотъ же Боковой хребетъ съ безчисленнымъ множествомъ своихъ отроговъ застипалъ горизонтъ съ сѣверо-запада, гдѣ надъ мертвыми каскадами льдовъ высоко поднимались теперь снѣговые скалистыя вершины горъ: Архона, Тепли, Сырху-барзона и другихъ. Солнце склонилось къ западу, но ни облочки, ни туманъ, ничто не заслоняло отъ насъ снѣговыхъ вершинъ. Онѣ точно монументы надъ павшими нѣкогда въ кровавомъ бою богатырями, гордые сознаніемъ своей великой роли, безмолвно дремали; дремало и все вокругъ нихъ... Только вѣтеръ неумолично свисталъ, да время отъ времени отдаленный грохотъ, наподобіе залпа изъ орудій, потрясалъ воздухъ. Это, подтаивая, обрывались съ высотъ снѣговые лавины и увлекали за собой все, что встрѣчалось на пути: камни, щебень, обломки скаль!...

Спускъ съ Стыр-хоча представлялъ гораздо больше затрудненій, чѣмъ даже подъемъ. Вопервыхъ онъ былъ значительно круче. Тропинка шла по такимъ-же осыпямъ, но только по склону съ еще большей крутизной. Мѣстами приходилось пускать въ ходъ руки и принимать самыя неестественныя положенія. Наконецъ весь ужасъ сорвался съ десятитысячной высоты внизъ, при спускѣ рисовался съ болѣе реальною очевидностью, такъ сказать постоянно былъ передъ глазами, непріятно электризую нервы, сосредоточивая все вниманіе на передвиженіи, на томъ куда и какъ поставить ногу, чтобы не покончить сразу всѣ разчеты съ жизнью. Словомъ, когда мы спустились съ осипи и почувствовали подъ ногами болѣе прочную почву, то уже ничего не видѣли: не видѣли куда затонули снѣговые вершины, конусы, пики, весь тотъ хаосъ, отъ котораго высоко надъ нами торчали только черныя скалы. Но намъ было уже не до скаль! Прекрасные субъ-альпійскіе луга дохнули на насъ своимъ ароматомъ. Мы снова среди зелени цвѣтовъ, еще болѣе пышныхъ, еще болѣе разнообразныхъ! Сумрачныя видѣнія сверху расплылись, какъ

дымъ, какъ тяжелый непріятный сонъ въ ясное весенне утро. Ни о бурныхъ переворотахъ, ни о неразрѣшимыхъ задачахъ, о привольномъ житьѣ въ мирѣ и на свободѣ, о неисчислимыхъ дарахъ своихъ, говорила здѣсь природа, подавленному житейскими невзгодами человѣческому духу. Сглаженные пышно субъ-альпійскою растительностью склоны круто сбѣгали къ Закинской долинѣ, которая и сама, наподобіе нашни послѣ первыхъ весеннихъ дождей, все еще глубоко подъ нами утопала въ зелени. Рѣка Зака-донъ, вытекая изъ подъ скрытыхъ въ вышинѣ ледниковъ Сивераута, съ множествомъ ручьевъ разсѣкала долину. Несмолкаемый шумъ воды, словно напѣвъ забытой на время, но давно знакомой пѣсни, снова доносился до нашего уха. Мы уже сжились, сроднились съ этимъ шумомъ и безъ него самыя прекрасныя картины природы казались намъ какими-то неодушевленными, точно искусственные наброски кистью художника. Тропинка уже не рвалась бѣшенно внизъ, а едва замѣтной примятой полоской между высокими покосными травами, спокойно бѣжала по боку горы куда-то далеко, далеко... Воздухъ точно замеръ: ни вѣтерка, ни одного порывистаго движенія! Мы шли гуськомъ по тропинкѣ. Никакой цвѣтникъ съ его правильно распланированными дорожками, тѣсными рамками клумбъ и куртинь, въ которыхъ растеніе, какъ птица въ клѣткѣ ни выше, ни ниже желанія садовника не можетъ поднять своей головы, заключая въ такую-же тѣсную рамку и чувства и впечатлѣнія зрителя, не можетъ сравниться съ этой дикой тропинкой, почти на восьмитысячной высотѣ, среди цѣлаго моря зелени, цвѣтовъ и необъятнаго простора! Какихъ только травъ не насадила здѣсь природа, какими только красками не одарила ихъ! Бѣлыя, розовыя и фиолетовыя примулы и туть-же рядомъ желтые пучки лапчатокъ, голубыхъ крупныхъ незабудокъ, лиловыхъ субъ-альпійскихъ колокольчиковъ; пышные цвѣты розового и пунцового клевера, бѣлыхъ и розовыхъ мыльнянокъ, фиолетовыхъ астръ, палевыхъ и блѣдноголубыхъ кавказскихъ скабіозъ и едва замѣтныя въ травѣ желтая казбекскія и обыкновенныя лиловыя фіалки, темносинія генціаны, между букетами пунцовыхъ, бѣлыхъ и розовыхъ анемоновъ выставляли свои одинокія головки, бѣлыя и палевые крупноцвѣтные кавказскіе васильки, желтые одуванчики, розовые полигонумы; желтая и розовая буквицы, розовая и бѣлая ромашки и множество другихъ цвѣтовъ въ самомъ пестромъ, по-

этическомъ безпорядкѣ, то утопая въ волнахъ зеленаго моря, то высоко поднимая надъ ними свои разноцвѣтныя головки, украшали склоны на всемъ пространствѣ, докуда хватиль взоръ, превосходя пышностью, разнообразiemъ и яркостью окрасокъ все, что до сихъ порь встрѣчалось на нашемъ пути. „Никакое искусство, даже музыка не даетъ такого чистаго возвышенаго наслажденія“! сказалъ кто-то изъ насъ и это была правда, потому что нѣть ничего чище, правдивѣ и проще самой природы!...

Не смотря на трудный, почти тридцативерстный переходъ, мы въ первый разъ забыли, что такое усталость. Таинственная тишина вечера, синяя глубина неба, тонкій ароматъ воздуха, пестрый коверь цвѣтовъ и этотъ необъятный просторъ уносили далеко за предѣлы человѣческихъ страданій, нашептывая иныхъ мысли, пробуждая иныхъ желанія, такія-же смѣлія и широкія, какъ широка и безпредѣльна была передъ нами голубая даль. Тропинка между тѣмъ спускала насъ все ниже. Высокія субальпійскія травы исчезли; густой изумрудный дернъ теперь покрывалъ почву. Солнце давно скрылось за горами. Вечернія сумерки спускались надъ ущельемъ. На небѣ одна за другою загорались яркія звѣзды. По крутыму откосу мы сбѣжали наконецъ внизъ на дно долины и, обогнувъ бугоръ, очутились въ селеніи Зака. На узкой, кривой улицѣ толпился народъ, рѣзвились полунаагіе ребятишки. Наше появленіе произвело цѣлое смятеніе. Нестовые дѣтскіе крики, лай собакъ и громкіе возгласы взрослыхъ смѣшаннымъ гуломъ раздались въ воздухѣ.

— „Старшину намъ пожалуйста отыщите, старшину“! съ мольбой повторяли мы, но насъ никто не слушалъ. Одни унимали дѣтей, другіе разгоняли собакъ, треты тупо пятались назадъ, видимо принимая насъ за навожденіе шайтана (черта). При помощи Инеса намъ наконецъ удалось втолковать кто мы, что намъ нужно и въ сопровожденіи всей толпы взрослыхъ, дѣтей и даже собакъ, полѣзли куда-то вверхъ по грязной воинчей улицѣ. По обѣимъ сторонамъ улицы лѣпились двухъ-этажныя закинскія сакли. Жилымъ помѣщеніемъ служить собственно верхній этажъ, въ нижнемъ же—хлѣва для скотины. Осетинъ горецъ вообще дорожитъ пометомъ скотины. Во многихъ мѣстахъ онъ замѣняетъ ему топливо, но то, что мы встрѣтили въ Зака и въ аулахъ Трусовскаго ущелья, превосходитъ всякия ожиданія. Мы то и дѣло натыкались на громадные бассейны, сдѣланные изъ

плетня, смазанные глиной, переполненные жидкимъ зловоннымъ навозомъ. Закинцу нуженъ навозъ не только для топлива, но и для удобренія полей и вотъ, воизбѣжаніе излишнихъ хлопотъ, онъ бережно копить и хранить его дома, подлѣ жилья. Мѣстами перекинутая крыша обращала улицу въ темный тунель, по которому, буквально задыхаясь отъ зловонья, чуть не ощупью, мы едва добирались до выхода, чтобы черезъ нѣсколько шаговъ попасть въ такой же тунель. Малоземелье пріучило закинца, свободный клочекъ даже подъ улицей считать непроизводительною роскошью. На 39 дворовъ съ населеніемъ въ 298 душъ обоего пола въ Закѣ (Абайты-кау) всего удобной земли 95 десятинъ... Наконецъ толпа остановилась, благо хоть подъ открытымъ небомъ, среди улицы, между двухъ зловонныхъ бассейновъ. Стали и мы. Глядя на деревянный балконъ высокаго двухъ-этажнаго дома, сопровождавши насъ осетины, какъ всегда безтолково, всѣ вмѣстѣ что-то кричали, кого-то звали. На балконѣ появился молодой парень. Старшины не было дома, но сынъ его любезно приглашалъ насъ зайти въ саклю. Мы даже не сразу нашлись, что отвѣтить на такое приглашеніе. Послѣ только-что пережитыхъ впечатлѣній, ауль съ его мрачными черными саклями, грязью, вонью и дикими криками обитателей, казался какимъ-то вертепомъ, изъ которого хотѣлось бѣжать безъ оглядки. Поблагодаривъ за приглашеніе, мы попросили отвести намъ для ночлега какую нибудь лужайку близъ аула. Насъ опять повели на этотъ разъ внизъ къ рѣкѣ. Толпа провожатыхъ росла съ каждымъ новымъ шагомъ. При блѣдномъ свѣтѣ луны все это шествіе нѣсколькоихъ десятковъ людей, въ косматыхъ бараныхъ шапкахъ, съ криками, говоромъ, неистовыемъ лаемъ собакъ въ авантурѣ, напоминало торжественное возвращеніе шайки разбойниковъ съ давно желаемой живою добычей. Мы быстро сбѣжали къ рѣкѣ и перешли мостъ. Разбить палатку и развязать вещи было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, но мы едва справлялись отъ страшнаго утомленія. Вскорѣ явился старшина, разогналъ назойливую толпу любопытныхъ и сдѣлалъ распоряженіе на счетъ провизіи. Онъ зналъ немного по русски. Мы рады были потолковать съ нимъ, поразспросить о дальнѣйшемъ пути. На Трусь, по его словамъ, ходятъ маленькия дѣти, дорога широкая разработанная.— „Арба можетъ проѣхать“! увлекся онъ.

„Отчего же вы не ѿдете на арбахъ?“

— „У насъ аробъ нѣтъ“.

Дѣйствительно, замкнутое среди горъ въ тѣсномъ ущельѣ селеніе Зака не имѣеть ни одной дороги, приспособленной для колесной Ѣзда. Всѣ тяжести, даже въ домашнемъ обиходѣ, перевозятся выючными лошадьми или на небольшихъ саночкахъ самими зakinцами. Отъ него же мы узнали, что недалеко отъ селенія у истоковъ Зака-дона очень давно добывался какой-то металль „алутонъ“, очень похожій на золото. Обваломъ съ горы это мѣсто погребено подъ землею и стережется шайтаномъ, который убиваетъ всѣхъ, кто пытается снова добыть этотъ металль. Шайтана, по словамъ старшины, собственными глазами видѣлъ его отецъ, страстный охотникъ, и при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Разъ во время охоты онъ съ товарищемъ заночевалъ на горахъ. Они пріютились подъ скалой и время отъ времени обогрѣвались аракой (водкой), которую бережно хранили подлѣ себя. Вдругъ в полночь какое-то страшное, обросшее шерстью чудовище подползло къ нимъ и протянуло косматую лапу за аракой. Отецъ старшины схватился было за кинжалъ, но товарищъ молча его остановилъ. Чудовище выпило всю араку и исчезло. Впослѣдствіи, когда-бы охотники не смотрѣли на эту скалу, подъ ней всегда виднѣлся огонь... Еще и еще о чёмъ-то рассказывалъ старшина, но мы уже не въ силахъ были преодолѣть усталости и подъ звуки его монотоннаго голоса незамѣтно заснули.

IV.

Путешествіе пріучило насъ дорожить каждой удобной минутой, цѣнить время по американски, чуть не на вѣсъ золата. Пробуждаясь раньше солнца, мы наскоро умывались ледяною водою на берегу рѣки или ручья, наскоро ёли, наскоро пили, съ какою-то лихорадочной поспѣшностью всѣ вмѣстѣ укладывали вещи въ выючные мѣшки и только тогда успокаивались, когда нашъ караванъ снимался съ мѣста, когда ни что уже не мѣшало уноситься взоромъ въ эту полную поэтической таинственности и очарованія горную даль. Такъ было и въ это утро. Закинскія женщины еще не успѣли наполнить водою своихъ кувшиновъ, какъ мы уже двинулись въ путь. Утро было прекрасное, ясное. Въ воздухѣ—свѣжо, почти холодно. Одно единственное облачко бѣлѣло на западѣ и какъ-то предательски разросталось. Но мы

не придавали этому никакого значенія. Узкое Закинское ущелье, подернутое синеватою дымкою и омытое утренней росой, казалось еще прекраснѣе, еще дѣственнѣе и неприкосновеннѣе глядѣли разстилавшіеся по обѣимъ сторонамъ необъятные горные луга. Слегка углубленный въ руслѣ бурлиль и шумѣль Закадонъ, какъ всѣ горные рѣчки, небольшой у истоковъ. Тамъ и сямъ надъ нимъ темнѣли миниатюрныя осетинскія мельницы и оглашали ущелье грохотомъ своихъ жернововъ. Долину въ различныхъ направленіяхъ разсѣкали искусственные канавки, предназначенные для орошенія полей, покосныхъ луговъ; кое-гдѣ виднѣлись слѣды искусственного удобренія... Мы съ изумленіемъ глядѣли на эти проблески культуры, какимъ-то чудомъ проникшіе въ такую глушь, какъ Закадонское ущелье, залегающее между двухъ высочайшихъ хребтовъ Кавказа: Главнымъ и Боковымъ. Вообще и здѣсь населеніе, видимо, не щадило ни труда, ни времени въ уходѣ за своей землей, отчего травы и злаки (горная ишеница и ячмень) поражали своею пышностью. Путь нашъ лежалъ на востокъ. Зака-донъ постепенно уклонялся отъ дороги влево и исчезалъ въ глубинѣ ущелья на сѣверо-западѣ. Ауль затонулъ далеко позади насъ. Вокругъ не единой человѣческой души. Гдѣ-то заливались дрозды, по дорогѣ порхали жаворонки и, кувыркаясь въ воздухѣ, тоже радостно о чемъ-то другъ съ другомъ перекликались. Легкій вѣтерокъ дулъ намъ въ лицо и глухо издалека доносилъ человѣческий говоръ. Вскорѣ мы наткнулись на цѣлую группу осетинъ. Вооружившись желѣзными лопатами, они обнажали черный пластъ земли отъ дерна, разрѣзали его на четырехъугольники и складывали на небольшія ручныя сани. Оказалось, они заготовляли на зиму торфъ, который служитъ имъ топливомъ. На этомъ мѣстѣ прекращалась дорога и мы наудачу стали огибать выступъ. Вдругъ громадная стѣна, у подошвы которой мы все время шли, оборвалась, образуя родъ боковой котловины, замкнутой въ перспективѣ не менѣе громаднымъ хребтомъ, съ двумя перемычками на черныхъ осипяхъ скалистаго гребня.

— „Трсо“! радостно воскликнулъ Инусъ.

Мы никакъ не ожидали, что перевалъ такъ близко и тоже приятно изумились. По сравненію съ Стыр-хохомъ, Трусъ и вся котловина представляли совершенно иную картину. Здѣсь не было и слѣда тѣхъ печальныхъ обнаженій, которыя окружали Стыр-

хочь и придавали мѣстности видъ дикой страны, куда если и заглядывалъ человѣкъ, то или въ силу какой нибудь необходимости, или изъ любопытства и то на самое короткое время. Цѣллая сѣть тропинокъ на склонѣ Труса свидѣтельствовала о постоянномъ пребываніи здѣсь человѣка, придавали обитаемый видъ этому рѣдкому по красотѣ уголку, съ пышной богатой растительностью, обильно орошенному влагою и мягкими очертаніями окружающихъ склоновъ. Трусь не террасами обрывался въ котловину, а сплошнымъ изумруднымъ скатомъ, крутымъ только вверху, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ начинались черныя осыпи и среди извилистыхъ очертаній скалистыхъ гребней надъ ними виднѣлись два перевала: Трусь или Трсо на востокѣ и Сба на юго-востокѣ. Въ общемъ трусовскій перевалъ дѣйствительно казался доступнѣе, не возбуждалъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ возможности преодолѣть всѣ его трудности, хотя о сказочной широкой дорогѣ, по которой свободно можетъ проѣхать арба, и здѣсь, какъ на Стыр-хочѣ, не могло быть и рѣчи. Кто могъ проложить такую дорогу почти на одинадцатитысячную высоту, когда отъ селенія до селенія, кромѣ выючныхъ тропъ, зачастую нѣть никакихъ дорогъ, никакого другого сообщенія. Со всѣхъ окружающихъ горъ скатывались ручьи и, сливаясь въ потокъ, шумно и бурно сбѣгали внизъ къ Зака-дону. Лавируя между потоками то вѣво, то вправо, мы начали подниматься. Намъ нужно было, какъ можно производительнѣе воспользоваться утренней прохладой, такъ какъ, наученные горькимъ опытомъ, мы уже не желали во второй разъ подвергать себя ожогамъ знойнаго юльского солнца. По густому пышному дерну, которымъ драшивались не только всѣ склоны, но каждая впадинка, овражекъ, канавка, итти было легко. Кое-гдѣ попадались цвѣты: примулы, желтые лютики, генціаны, буквицы, незабудки,—но рѣдко; грибы-шампиніоны тамъ и сямъ на зеленомъ фонѣ травы выдвигали свои бѣлые шапки; по оврагамъ—обширныя заросли колючаго татарника, вѣроятно, тоже употребляемаго какъ топливо, такъ какъ на всѣхъ пригрѣвахъ попадались его цѣлые кучи, сложенные, видимо, для просушки; выше—не менѣе обширныя поросли рододендрона. Но что всего удивительнѣе, у самой подошли противуположнаго склона, вправо отъ насъ, какъ-то стыдливо и одиноко возвышались пять, шесть стройныхъ старыхъ березокъ. Это была единственная группа деревьевъ, которую мы

встрѣтили въ Закинскомъ ущельѣ. Какъ они сюда попали и какъ удѣлѣли—трудно было рѣшить, хотя еще труднѣе было допустить искусственное насажденіе, такъ какъ даже въ аулѣ мы не видѣли ни единаго дерева. По всей вѣроятности—это все, что осталось потомству въ воспоминаніе о тѣхъ громадныхъ березовыхъ лѣсахъ, которые нѣкогда произрастали въ Закинскомъ ущельѣ, сначала оберегаемая, какъ рѣдкая уцѣлѣвшая группа древесной растительности, а затѣмъ, когда совершенно исчезли признаки лѣсовъ, получившая въ глазахъ мѣстнаго населенія значеніе особаго дара, священной неприкословенности. Вообще съ Трусомъ, какъ и со Стыр-хоомъ, у осетинъ, навѣрно, связаны какія нибудь преданія чисто религіознаго характера, такъ какъ дальше, на склонѣ, возвышалась какая-то руина, остатокъ древней постройки, сложенной изъ каменныхъ плитъ, „дзуаръ“ (святой), какъ пояснилъ намъ Инусъ, гдѣ уранились пожертвованія путниковъ, а можетъ быть и какія нибудь священные вещи. Дзуаромъ заканчивалась первая половина подъема, гдѣ рѣшено было отдохнуть, оглядѣться вокругъ себя. Но... что это? То самое ничтожное облачко, которое едва замѣтнымъ пятномъ бѣлѣло на западѣ, за три четыре часа нашей ходьбы разрослось въ цѣлые клубы, затянуло весь юго-западѣ, гдѣ снова выступалъ передъ нами Главный хребетъ, другою только своею частью. То сгущенными, то разрѣженными, движущимися и непроницаемыми массами облака окутывали всѣ снѣговыя вершины. Громадный снѣговой конусъ Адай-хоха на половину былъ прикрытъ всклокоченой бѣлой шапкой, такъ что мы видѣли его нижнюю часть—отполированыя массы ледниковъ. Снѣговыя вершины: Халаца, Тбильса были открыты только съ боковъ. Даже скалистые гребни, съ залегающими между ними клочками облаковъ и подернутые прозрачнымъ вуalemъ легкаго тумана, имѣли совершенно другой видъ, какъ-бы потеряли рѣзкія линіи своихъ очертаній.

— „Прощай, Трусь! Мы ничего не увидимъ“! Печально произнесъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ и этотъ взгласъ непріятно передернулъ всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, взбраться на Трусь для того, чтобы видѣть, какъ облака закрываютъ горы, представлялось далеко незаманчивой перспективой. Начались всевозможныя опасенія и сожалѣнія. Одни предсказывали дождь, другие пеняли на то, что не переждали этого дня въ аулѣ Зака.

Словомъ, прекрасное настроение, все время сопутствовавшее намъ, было испорчено. Остальную часть подъема до осыпей мы прошли безъ малйшаго воодушевленія, чemu много способствовала страшная жара и голодъ. На этотъ разъ, мѣстомъ для отдыха была избрана послѣдняя зеленая лужайка, опять на берегу шумнаго ручья, подъ самыми осыпями. Щда и отдыхъ нѣсколько пріободрили насъ. Здѣсь наше вниманіе привлекли облака своимъ непривычнымъ движениемъ. То и дѣло, набѣгая, они закрывали вѣчные льды и снѣга горъ, но до извѣстнаго только предѣла, граничащагося линіею скалистыхъ гребней, гдѣ моментально разсѣвались и исчезали въ синевѣ, а на ихъ мѣсто, на мгновеніе свободное, являлись новые клубы и такъ все время. Часа черезъ два, три мы снова двигались впередъ. Подъемъ на Трусь по осыпямъ былъ нѣсколько легче, чѣмъ на Стыр-хohѣ,— прежде всего потому, что былъ значительно короче, троинка извилистѣе, но въ общемъ тоже очень крутой и трудный. Снова несчастная лошадь выбивалась изъ силъ, едва цѣпляясь копытами по сыпучему щебню, снова жгло солнце и продувалъ холодный вѣтеръ. Но все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ вѣтромъ, который какъ шквалъ нальталъ на насъ на перевалъ; приходилось употребить въ дѣло всѣ наличныя средства, данныхъ Богомъ человѣку для самосохраненія, чтобы устоять, удержаться отъ толчковъ, которыми со всѣхъ сторонъ награждалъ насъ вѣтеръ. На Трусь *) нѣть даже площадки. Крутой скатъ противу-положнаго склона начинается прямо отъ гребня и громаднымъ выпуклымъ горбомъ нависая ниже, совершенно скрываетъ отъ глазъ Трусовское ущелье. На самомъ перевалѣ стоять пирамида, сложенная изъ камней—путеводный маякъ во время зимнихъ снѣжныхъ заносовъ. Вокругъ—ни малѣйшихъ признаковъ жизни или какой-либо растительности. Темный щебень шиферного сланца, черныя обнаженные скалы, да снѣгъ по ложбинамъ, вотъ все, что мы видѣли на Трусь. Дико, хмуро, холодно, не смотря на яркое горячее юльское солнце и какъ-то жутко тоскливо на душѣ, особенно подъ свистъ бушующаго вѣтра и отдаленный грохотъ обрывающихся снѣговыхъ лавинъ. Передъ нами снова весь горизонтъ застилали горы: съ сѣвера и востока—Боковой хре-

*) Перевалъ между деревнями Заки и Сиверауть (№ 1154 списка, помѣщенаго въ Кавказскомъ календарѣ за 1857 годъ), по даннымъ Закавказской Тріангуляціи считается въ 10335 ф. и. у. м. Ред.

беть, съ запада и юга—Главный хребетъ; но картина была уже не та, не такъ прозраченъ воздухъ, не такъ необъятна синяя даль съ непроницаемою бѣлою пеленою облаковъ въ перспективѣ. Мы не видали не только Зякавказья, но даже Казбека. Онъ затонулъ въ облакѣ на сѣверо-востокѣ, вмѣстѣ съ скалистыми гребнями. Гонимыя вѣтромъ облака на мгновеніе разсѣивались и тогда, среди бѣлыхъ всклокоченныхъ массъ, вдругъ обнажалась скала или черный пикъ, точно мертвѣцъ изъ-подъ бѣлаго савана, выставляя свою остроконечную вершину. За то съ сѣвера Боковой хребетъ былъ открытъ. Кромѣ знакомаго уже намъ снѣгового конуса Сивераутъ и далеко на сѣверо-западѣ скалистыхъ снѣговыхъ скатовъ горы Тепли, надъ горною массою гребней горделиво возвышались: Джимарай-хохъ, Цити-хохъ и цѣлый рядъ безъимянныхъ снѣговыхъ вершинъ, о существованіи которыхъ мы узнали только, глядя на хребты съ Труса. Вся западная часть Главнаго хребта была также задернута облаками, особенно сгущенными надъ Адай-хохомъ и Рес-хохомъ, но на югѣ совершилъ отчетливо своими тремя куполами выступала тоже знакомая уже намъ снѣговая вершина Зильга-хохъ (12644 или 12670 ф.). Мы ее тотчасъ же узнали и тутъ только поняли почему осетины назвали ее „Крутящейся горой“. Казалось, она снова обернулась къ намъ тою стороною, которую мы уже видѣли съ Стыр-хоха, до того не измѣнились ни видъ, ни форма этой снѣговой вершины. Вначалѣ мы почти не сомнѣвались, что сильный вѣтеръ разсѣйтъ непроницаемую пелену облаковъ и рано или поздно Кавказскій хребетъ предстанетъ предъ нами во всемъ своемъ величіи. Но увы!... Прошелъ часъ, прошелъ другой, наконецъ третій, а облака не только не разсѣивались, но еще больше сгущались и разrostались. Снизу, изъ ложбинъ, точно изъ щелей, полѣзли на встрѣчу имъ клубы сѣраго тумана. Дождь неминуемо угрожалъ ѿщелью. Ожидать дальше было не только бесполезно, но и рисковано, тѣмъ болѣе, что время клонилось къ вечеру. Однако мы остались еще на часъ, но также безъуспѣшно и только когда съ сѣвера и юга стали появляться бѣлые облака, окончательно потеряли терпѣніе и начали спускаться. Крувая проторенная тропинка, мѣстами смытая дождями, мѣстами заваленная осунувшимися съ вершинъ камнями и щебнемъ на высотѣ 10332 футовъ, представляла плохую арену для борьбы съ вѣтромъ, который, казалось, подстерегалъ только удобный мо-

ментъ, чтобы какъ ничтожную, никому ненужную былинку поднять нась на воздухъ или сдунуть внизъ въ пропасть. Мы упирались, насколько хватало силъ, не шли, а ползли, цѣпляясь за камни, по карнизу отвесной стѣны, къ осыпямъ, по которымъ обогнувъ мысъ, нависшій надъ ущельемъ, почувствовали, наконецъ, болѣе прочную почву подъ ногами и перевели духъ. Отсюда тропинка по твердому каменистому грунту полого сбѣгала къ первой зеленої террасѣ, раскинувшейся высоко надъ узкимъ, глубокимъ Трусовскимъ ущельемъ, которое у самой подошвы перевала заворачиваетъ влѣво и тянется еще верстъ на пять, на шесть на югъ, до самыхъ круглыхъ скатовъ горы Сивераутъ и Зильга-хочъ, гдѣ изъ-подъ снѣговъ и льдовъ послѣдней береть свое начало Терекъ. Внизу вѣтеръ немногого стихъ. Сквозь спущенную массу облаковъ на западѣ тускло мигало солнце. Волнистая глубь ущелья, затканная яркою зеленою травою, съ зубчатыми каймами черныхъ гребней въ вышинѣ и серебристой змѣйкой быстро бѣгущей по дну рѣки, точно грустью подернутое мягкой полутѣнью, пріятно успокаивала нерви. Уже безъ остановки мы сбѣжали на террасу, гдѣ давно поджидалъ нась Инусъ.

— „Моя пошель низу. Дорога мало, мало яманъ. Лошадь иронапаль. Твоя пошель, твоя якши“! какъ всегда, безсвязно за бормоталъ онъ, указывая рукою на тропинку по краю террасы. Это значило: вы идите по верху, а я спущусь въ долину, такъ какъ лошадь устала и можетъ упасть. Караванъ напѣ раздѣлился. Слѣдя указанию Инуса, мы пошли по верху, сначала по террасѣ, а затѣмъ по узкому карнизу склона, прорѣзанному щебневыми осыпями, по которымъ дѣйствительно было опасно вести выночную лошадь. Терекъ шумно катилъ свои мутныя воды, то подбѣгая къ самой подопѣвѣ склона, то ударяясь о его выступы, съ злобнымъ шепенiemъ сворачивалъ въ сторону, глубоко подъ нами, куда мы старались не смотрѣть, особенно на осыпяхъ, такъ какъ голова кружилась при одномъ взгляде на ту высоту, которая отдѣляла нась отъ рѣки. На второй террасѣ передъ нами снова развернулись субъ-альпийскіе луга. Пышный коверъ цѣѣтовъ не только застипалъ весь склонъ впереди, но спускался до самого дна ущелья, которое казалось впадиной по сравненію съ окружающими горами, на самомъ же дѣлѣ залегало на высотѣ восьми тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Мы съ жадностью

вдыхали свѣжій ароматный воздухъ. Сознаніе, что большая часть пути уже пройдена, что не впередъ, а назадъ, къ душнымъ стѣнамъ города, теперь лежитъ нашъ путь, навѣвало невольную грусть, которой какъ-бы вторила сѣрая свинцовая туча, нависшая надъ ущельемъ. Внизу промелькнули силуэты какихъ-то построекъ. Это первое селеніе въ Трусовскомъ ущельѣ—Сивераутъ. Оно пріютилось на зеленой лужайкѣ надъ Терекомъ, у подошвы отрога, которымъ граничится узкое боковое ущелье быстрой рѣчки, тоже—Сивераутъ. Мы спустились прямо къ Тереку. Пять, шесть сѣрыхъ сакель, съ ворохами сухого хвороста на плоскихъ крышахъ, составляли все селеніе Сивераутъ. Словно изъ рога изобилия, изъ аула посыпались ребятишки, которыхъ вездѣ и всегда было много; два, три взрослыхъ осетина вышли къ намъ на встрѣчу и поздоровались по русски. „Ого! что значитъ соѣдство съ большой проѣзжей дорогой“—изумленно переглянулись мы. Дѣйствительно рѣдкій трусовецъ не принималъ участія въ ежегодныхъ расчисткахъ и поправкахъ Военно-Грузинской дороги, которая наложила на нихъ свой отпечатокъ. Трусовцы даже по типу болѣе напоминаютъ грузинъ, чѣмъ осетинъ. Отъ Сивераута ущелье сильно расширяется: Боковой и Главный хребты широко раздвигаются, отбрасывая поперечные отроги, которые или глубоко вдаются въ ущелье, образуя узкія боковые трещины, съ бурными потоками на днѣ, носящими каждое свое название (Сивераутъ, Рес-донъ, Теп-донъ, Джимарай-донъ—съ лѣвой стороны, Цоцольть и др. съ правой), или волнистой зеленой бахромкой окаймляютъ бока и бѣгутъ параллельно хребтамъ. Виная въ себя всѣ эти побочные воды, Терекъ струится въ широкомъ руслѣ, мѣстами раздробляясь на нѣсколько рукавовъ. Тамъ и сямъ между пашень и покосныхъ луговъ виднѣлись небольшія поросли низкорослого березника, красиво оживляющія склоны свою темною зеленою. Въ Сивераутъ мы не зашли: во первыхъ было еще рано, а во вторыхъ впереди виднѣлось такое множество селеній, что на noctлегъ можно было пристать во всякое время. Трусовское ущелье поражаетъ своею населенностью. Здѣсь, что ни шагъ, то и селеніе или поселокъ живописно юятся и по горамъ и внизу по берегу Терека, съ небольшими древними башнями, миниатюрными современными и старинными церквами. Изъ числа ауловъ наиболѣе значительные: Сивераутъ, Реси, Тепъ, Джимара, Цоцольть, Бурмасикъ, Карат-кау и многіе друг. По

указанію осетинъ, отъ Сивераута мы шли по каменистому берегу. Скоро догналь насть Инусъ съ лошадью. Надвигались сумерки. Ясная полоса неба впереди—свидѣтельствовала, что далеко за горами, на плоскости стояла хорошая погода, позади—сплошная сѣрая стѣна тумана застилала и горы, и ущелье до самаго сѣраго свинцоваго неба. Тамъ шелъ дождь. Мы спѣшили, насколько хватало силъ, и почти въ потемкахъ добрались до селенія Тепъ, гдѣ на выгонѣ, на берегу Терека, расположились на ночлегъ. Изъ аула сбѣжался народъ. Чтобы раздобыть провизію, мы по обыкновенію хотѣли послать за старшиной, но Инусъ за-протестовалъ.

— „Зачѣмъ старшина“? таинственнымъ шепотомъ обратился онъ къ намъ: „старшина мало, мало мошенникъ. Моя пошелъ, моя куплю“!

И дѣйствительно, черезъ часть въ нашемъ распоряженіи были цыплята, яйца—и все вдвое дешевле, чѣмъ доставляли намъ старшины.

На слѣдующій день мы проснулись при самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ. Палатка протекла и вещи все подмокли. Проливной дождь шелъ цѣлую ночь. Сѣреое пасмурное утро мрачно глядѣло въ палатку, но мы не унывали. Туманъ все выше и выше подымался къ вершинамъ горъ, клочьями залегая на пути по ложбинамъ. Сквозь разорванныя косматыя тучи время отъ времени проглядывало солнце и, точно улыбкой, озаряло заплаканное ущелье. Цѣлыхъ три часа пришлось просидѣть въ бездѣйствїи, пока просохли вещи и палатка. Тепъ, одно изъ большихъ селеній Трусовскаго ущелья, раскинулось на днѣ его, по берегу Терека. Небольшая рѣчка Теп-донъ разсѣкаетъ его на двое и стремительно сбѣгаеть къ Тереку. Сакли, какъ и въ Зака, каменные, двухъ-этажные, но снаружи смазанныя глиной. Знакомые намъ бассейны съ навозомъ зіяли всюду по улицамъ. Недалеко отъ нашей стоянки, на выгонѣ, возвышалось какое-то сѣреое старое каменное зданіе, въ которомъ только по кресту на крышѣ можно было признать древнюю церковь. Подъ неумолкаемый говоръ толпы мужчинъ, женщинъ въ грязныхъ оборваныхъ рубицахъ и крики полунагихъ ребятишекъ, которые съ жадностью набрасывались на каждый клочекъ брошенной нами бумаги, мы покинули аулъ. Дорожка опять повела насъ берегомъ, гдѣ слѣва, за оградой изъ рѣчного булыжника, разстилались не-

объятныя тепскія нивы отъ самой подопѣви горъ до Терека и далеко бѣжали за нимъ впереди. Ни межи, ни тропинки—все засѣяно хлѣбомъ, мѣстами до самаго края, до обрыва въ рѣку.

— „Какъ-же пройти? Гдѣ-же дорога“? спрашивали мы сопровождавшихъ нась изъ селенія осетинъ.

„Дороги нѣтъ“! лаконически отвѣчали они.

Послѣ долгихъ припирательствъ и длинныхъ разговоровъ оказалось, что дорога дѣйствительно была здѣсь, но за недостаткомъ земли и ее засѣили хлѣбомъ. Нѣсколько владѣльцевъ вызвались проводить нась. Слѣдя за ними, мы шли по самому краю обрыва надъ Терекомъ и въ теченіи получоса то прыгали по камнямъ, то перелѣзали черезъ ограды, пока наконецъ не вышли на тропинку среди сѣти отдельныхъ участковъ. Между тѣмъ туманъ окончательно разсѣялся. По небу бродили тучки и только иногда, набѣгая на дискъ яркаго полуденного солнца, отbrasывали и по склонамъ горъ и по дну ущелья чудовищныя тѣни. Въ сторонѣ промелькнуло еще одно селеніе—Джимара, а за нимъ на крутомъ холмѣ показалось другое—Бурмасикъ. Мало по малу пашни отошли влево. Каменный выносъ, въ перемежку съ чахлой травой, застилали берегъ. Въ Бурмасикѣ нась встрѣтила толпа осетинъ косарей. Пользуясь разъяснившейся погодой, они спѣшили на покосъ. Десять, пятнадцать сакель тѣсно лѣпились другъ къ другу на холмѣ. Изъ любопытства мы зашли въ одну изъ нихъ. Крутая деревянная лѣсенка, скрыпя и покряхтывая, подняла нась на крыльцо или балконъ второго этажа, такой-же живой, какъ и лѣстница, ничѣмъ не защищенный съ краевъ, глядя на который было положительно неиспятно, какъ ухитрялись осетинскія дѣти выростать цѣлыми и невредимыми среди такихъ неблагопріятныхъ и почти невозможныхъ для нашихъ городскихъ дѣтей, условій жилого помѣщенія. Изъ довольно чистой, даже оклеенной обоями, кунацкой мы вошли въ женскую половину, темную, мрачную комнату, освященную однимъ крохотнымъ оконцемъ, гдѣ-то на верху, съ смазаннымъ глиною землянымъ поломъ и, стѣнами, гдѣ въ одномъ углу, связанный по рукамъ и ногамъ въ туземной люлькѣ, подъ унылое убаюкиваніе матери дремалъ малолѣтній сынъ горъ, а въ другомъ неистово кудахтала испуганная курица. На нарахъ, среди сложенной постели и разнаго трепья, торчалъ красный кованый сундукъ, рядомъ съ громадной корзиной изъ плетня, предназначеннай для храненія кукуру-

зы. Запахъ плесни и сырости царилъ въ помѣщеніи. Мы съ удовольствіемъ вышли на свѣжій воздухъ, такъ тосклива, непривѣтлива обстановка, среди которой приходится родиться, рости и развиваться молодому осетинскому поколѣнію. Съ холма, на которомъ ютится селеніе, открывался прекрасный видъ. Прямо передъ нами, въ глубинѣ узкаго бокового ущелья, изъ котораго вырывалась къ Тереку небольшая рѣченка Цоцольт-донъ, въ Главномъ хребтѣ открывался цѣлый рядъ бѣлыхъ сверкающихъ вершинъ. Между ними одна, Цоцольт-хокъ, поражала своею оригинальностью. Она завершалась ни конусомъ, ни куполомъ, а двумя или тремя громадными черными утесами, какъ-бы поставленными перпендикулярно на бѣлое снѣжное поле, ниже котораго ярко-зеленый покровъ субъ-альпийскихъ травъ застипалъ всѣ склоны, все узкое ущелье. На востокѣ тянулось все тоже Трусовское ущелье, на однообразномъ фонѣ котораго гдѣ-нибудь у входа въ балку, или на зеленомъ скатѣ противоположнаго склона, вдругъ одинокой группой выступала небольшая березовая рощица, иногда прикрывая свою тѣнью крохотную бѣлую хатку, должно быть, часовню, отчего и балка, и склонъ получали особый поэтическій смыслъ, какъ-бы одухотворялись тѣми стремленіями, которыя влекли къ нимъ человѣка. За ауломъ Карат-кавъ, который пріютился у подошвы лѣваго склона, Терекъ дробится на множество рукавовъ и широко разливается по дну ущелья, образуя обширныя топи, поросшія зелеными болотными травами. Среди массы воды, которая пряталась подъ травой, ручьями и потоками струилась во всѣхъ направленіяхъ, мы снова очутились въ самомъ беспомощномъ положеніи. Впереди Инусъ выбивался изъ силъ, вытаскивая лошадь, по брюхо повязшую въ тонкой грязи. Подоспѣвшій къ нему на помощь парень изъ аула Карат-кавъ взялся было вывести насть на дорогу, но вдругъ раздумалъ и вернулся назадъ. Оказалось, онъ требовалъ платы впередъ, но возмущенный Инусъ прогналъ его прочь. Къ счастью, караткавскій старшина догадался выслать намъ проводника. Скользя промокшую обувью по влажной травѣ, мы нарямикъ ползли на лѣвый склонъ. Тропинка бѣжала, по карнизу его, высоко надъ ущельемъ. Внизу, лавируя между ручьями и топями, пробирался Инусъ съ лошадью и проводникомъ, оба босые, съ закатанными до колѣнъ шароварами. Съ зеленыхъ лужаекъ мы то и дѣло сбѣгали на осыпи, по которымъ, не выдерживая собственной

тяжести, безпрестанно сыпаясь камни внизъ, на дно ущелья, гдѣ одинъ изъ рукавовъ Терека подмывалъ склонъ у самой подошвы. Впереди отроги: Цоцольт-хочъ—справа и Джимарай-хочъ—слѣва, какъ-бы перепоясывали ущелье, оставляя узкій протокъ, въ который, медленно собирая раздробленныя воды, устремляла свое теченіе рѣка. Несомнѣнно, что протокъ представляетъ явленіе современное, что нѣкогда Трусовское ущелье наглухо замыкалось въ этомъ мѣстѣ поперечнымъ отрогомъ, но Терекъ распилилъ его и продѣлалъ выходъ. Тропинка, подбѣжавъ къ скалистому боку лѣваго отрога, вдругъ куда-то исчезла. Мы въ недовѣріи остановились. По гладкой сѣрой осыпи склона, не выше, не ниже, казалось, ни разу не ступала нога человѣческая. Очевидно, намъ нужно было перелѣзть черезъ отрогъ, но какъ?

— „Дорога здѣсь“! отозвался караткавскій проводникъ и, перегнувшись черезъ гребень, протянулъ къ намъ руки.

Съ его помощью мы поочереди вскарабкались на гребень и по скалистому обрывистому склону спустились внизъ, на дно долины, извѣстной подъ именемъ Абанской, которая разстилалась верстъ на восемь, девять въ глубину до самаго тѣснаго Касарского ущелья. Плоская, шириной съ версту, не смотря на свое возвышенное положеніе (7 т. фут.), она производила пріятное впечатлѣніе своимъ просторомъ, яркою зеленою пастбищныхъ луговъ и населенностью. Главнымъ занятіемъ жителей здѣсь служить скотоводство. Абанские и вообще трусовскіе сыры считаются лучшими на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ. По дну долины, дугой огибая отрогъ справа, Терекъ струился въ одномъ руслѣ, почти у подошвы праваго же склона. Съ обѣихъ сторонъ, точно открытыя пасти, темнѣли выходы боковыхъ ущелій, по которымъ стремились къ Тереку быстрыя рѣчки-протоки и множество небольшихъ потоковъ по глубокимъ балкамъ. Справа широкимъ устьемъ вдавалось въ долину Деси-донское ущелье, прорытое бѣшенной рѣченкой того же имени, одинъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ Абанской долины, обставленное съ боковъ скалистыми склонами и замкнутое въ глубинѣ снѣговой вершиной Деси-хочъ. У входа въ ущелье по зеленому бугристому скату лѣпились селенія: Деси верхнее и Деси нижнее, напоминая своими полуразрушенными башнями тѣ бурныя, къ счастью уже отошедшія въ отдаленное прошлое, времена, когда мирному постороннему наблюдателю, даже взоромъ проникнуть въ эти таинственные уголки было невоз-

могно. Мы пробирались по дну долины. Небо снова заволоклось тучами. Подуял сырой, холодный вѣтеръ. Впереди, разсѣкая долину во всю ширину, стремился къ Тереку Суатис-донъ, тоже быстрая, довольно большая рѣченка, выбѣгающая изъ узкаго глубокаго бокового ущелья слѣва. Моста черезъ рѣчку не было. На вершинѣ обрыва, у выхода рѣки изъ ущелья темнѣло селеніе Закагуръ (Джакагори). Внизу иѣсколько осетинъ долбили скалу, выламывая огромныя плиты шиферного сланца, вѣроятно, для какихъ нибудь домашнихъ нуждъ, а можетъ быть, для памятниковъ на могилы кладбища, которое виднѣлось тутъ же на холмѣ, недалеко отъ селенія. Они очень удивились, заслушавъ наши голоса и охотно указали намъ бродъ для переиравы верхомъ черезъ бурную капризную рѣчку. Отъ Закагура дно долины на громадномъ протяженіи впереди застлано галькой, выносомъ рѣчки Суатис-донъ, и вмѣстѣ съ окружающими горами имѣеть довольно однообразный видъ. Ни одно боковое ущелье не расчленяется стройныхъ цѣпей горъ, ни одна болѣе или менѣе значительная рѣчка не впадаетъ въ этомъ мѣстѣ въ Терекъ. До самого селенія Абано дорога бѣжитъ по дну ущелья, гдѣ среди, грудами нанесенного камня тамъ и сямъ бьютъ горячіе источники, наполняя воздухъ удушливымъ запахомъ сѣры. Абано—одно изъ большихъ селеній Трусовскаго ущелья, раскинулось на днѣ долины, ближе къ лѣвому склону. Жители Абано объяснялись съ нами довольно свободно по русски. Здѣсь намъ встрѣтился цѣлый караванъ выюковъ съ краснымъ товаромъ, предназначеннымъ для употребленія обитателей Трусовскаго и сосѣднихъ съ нимъ ущелій. Отъ Абано долина начинаетъ съуживаться, дно ея всхолмляться. Терекъ подступаетъ ближе къ лѣвому склону. Дорожка взбирается на бугристый пологій склонъ и такъ бѣжитъ все время надъ рѣкой, до самой Касарской тѣснинѣ, среди пышныхъ покосныхъ луговъ, усеянныхъ цвѣтами. Безчисленное множество углекислыхъ и щелочныхъ источниковъ окрашиваются въ этомъ мѣстѣ берега то въ бѣлый, то въ красный цвѣтъ. Мы спустились къ одному изъ источниковъ. Вода, выступая на поверхность земли, кипитъ, пузирится точно на огнѣ; на вкусъ напоминаетъ нарзанъ, но съ сильнымъ запахомъ сѣры. За селеніемъ Кетерсъ (Кетриси) мы случайно наткнулись на довольно большую, глубокую, круглую впадину, должно быть, провалъ съ отверстиемъ сбоку, въ видѣ пещеры. У входа въ пещеру и на днѣ ямы валялись трупы лягушекъ.

шекъ, ящерицъ и разныхъ мелкихъ птичекъ, которыя, вѣроятно, искали ночного пріюта въ коварномъ провалѣ, но, по какимъ-то невидимымъ для глаза причинамъ, были застигнуты смертью внезапно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагали перебыть ночь. Зажженная бумага моментально погасла, едва мы поднесли ее къ отверстію пещерки, и объяснила намъ все. Изъ пещеры выдѣлялся углекислый газъ, которымъ и убиты несчастныя птички, ящерицы и лягушки. Между тѣмъ вокругъ уже не было прежняго простора. Надвинувшись цѣлой толпой, горы сдавили долину съ боковъ и замкнули ее впереди. Среди крутыхъ скалистыхъ склоновъ узкою щелью темнѣло тѣсное Касарское ущелье. Оно залегаетъ между отрогами горъ—Касары и Казбека съ одной стороны и Харисара и Хыргума съ другой—и прорыто все тою же могучею, непобѣдимою дѣятельностью рѣки, Терекомъ, который точно спѣша вознаградить себя за многовѣковую необходимость уступками, обходами, скрытой, невидимой, но неустанной разрушительной работой отстаивать каждый шагъ своего движенія, среди громадныхъ могучихъ великановъ, бѣшенными звѣремъ врывается въ ущелье, клокочетъ, плещется, бьется въ скалистомъ руслѣ и, вздыная сѣдая, взъерошенныя волны, заполняетъ собою все, даже воздухъ, дикимъ, оглушительнымъ ревомъ. Мы шли по широкой дорогѣ, продѣланной во всю длину ущелья, сначала по лѣвому, а затѣмъ по правому склону, мѣстами на осипяхъ совершенно размытой дождями, гдѣ не безъ страха и затрудненій приходилось пробираться прямо по сыпучему щебню надъ разгулявшейся во всю стихійную мочь бурной рѣкой. Мрачное и глубокое, какъ всѣ подобного рода тѣсницы, Касарское ущелье поражаетъ своею оригинальной красотой. Почти на всемъ протяженіи по крутымъ обрывистымъ спускамъ праваго склона, среди чахлыхъ низкорослыхъ сосенъ, жidкихъ кустарниковъ—можевельника, кавказской черники, березняка или ольшатника,—ниже цвѣтущаго шиповника, въ видѣ столбовъ и отдельностей, съ зубчатыми скалистыми выступами, наподобіе средневѣковыхъ замковъ, башенъ, въ вышинѣ виднѣлись красные трахиты и такие же красныя трахитовыя осипи у подошвы и по правому берегу въ то время, какъ съ другой стороны, прикрытые зеленымъ дерномъ травянистой растительности, склоны довольно мягко, хотя тоже круто, сбѣгая къ ущелью, только у самой подошвы обрамлялись скалами шифернаго сланца, обломками котораго и цѣлы-

ми глыбами загромождалось русло рѣки и весь лѣвый берегъ. Отъ впаденія небольшой рѣченки Касарки, бѣлымъ тѣнистымъ каскадомъ сбѣгающей среди зеленыхъ береговъ по ложбинамъ лѣваго склона, ущелье все время съуживается... Терекъ съ сѣверо-востока сворачиваетъ на юго-востокъ и въ этомъ направлениіи струится черезъ все Касарское ущелье, потомъ Хевскую долину, до самого селенія Коби. Дорога сползла на берегъ. Мы теперь шли по самому дну узкаго ущелья. За оглушительнымъ ревомъ рѣки не слышно было даже собственнаго голоса. На всемъ пути изъ-подъ скалъ сочились родники чистой прозрачной воды, забѣтливой рукой человѣка обложенные камнемъ и пропущенные сквозь краны. На нѣкоторыхъ изъ нихъ виднѣлись надписи съ обозначеніемъ времени и лица, въ честь котораго обѣланъ родникъ, иногда же—деревянный образокъ, вставленный между камней. Родниками какъ-бы исчерпывались всѣ слѣды человѣческаго здѣсь пребыванія. Ни одной башни или какой-либо жилой постройки, современной или уцѣлѣвшей отъ прошлаго времени, мы не видали въ Касарскомъ ущельѣ. Оно совершенно необитаемо. Одинъ единственный осетинъ встрѣтился намъ на дорогѣ. Онъ шелъ за быкомъ, впряженнымъ въ особаго рода ярмо, приспособленное для перевозки бревенъ по узкимъ горнымъ тропинкамъ, къ которому двумя длинными веревками прикреплялось бревно и волочилось за быкомъ. По мосту, перекинутому черезъ Терекъ, дорога перешла на противуположный берегъ, на красныя трахитовыя осыпи праваго склона. Касарская тѣснина прерывается разомъ, какъ-то совершенно неожиданно, у выхода бокового ущелья рѣки Мнаиси-донъ, которое, разсѣкая далеко въ глубинѣ хребеть слѣва, своимъ широкимъ устьемъ образуетъ въ этомъ мѣстѣ просторную котловину, отдѣленную отъ Хевской долины остроконечнымъ поперечнымъ отрогомъ праваго хребта. Затканное яркою зеленою травою, широкое, просторное—вначалѣ, тѣсное и скѣлисто—въ глубинѣ, съ мертвыми каскадами Казбекскихъ ледниковъ, среди громадныхъ трахитовыхъ скалъ въ вышинѣ, ущелье рѣки Мнаиси-донъ своимъ живописнымъ видомъ какъ-бы сразу вознаграждало стосковавшейся въ Касарской тѣснинѣ взоръ. У входа въ ущелье, въ складкахъ праваго и лѣваго бока красиво ютились селенія: Верхнєе и Нижнєе Окраканы, Шуардинъ (Шавардени), Бант-кавъ. Ущельемъ рѣки Мнаиси-донъ заканчивается обширная галерея видовъ, картинъ съ рѣзкими и разнооб-

разными проявлениями то разрушительной, то созидающей деятельности великой природы. Тусклый, пасмурный день склонялся къ вечеру. Спускаясь все ниже и ниже, мы спѣшили засвѣтло добраться до конечнаго пункта нашихъ пѣшихъ странствованій, до станціи Коби. На склонѣ отрога, подошву котораго омываетъ Терекъ, опять виднѣлось небольшое осетинское селеніе Наккау (Нава-кау, 11 дворовъ). Мы снова по мосту перешли на лѣвый берегъ, обогнули мысъ и вступили въ Хевскую долину по широкой дорогѣ, тамъ и сямъ загроможденной огромными обломками туфа. Послѣ того, что мы видѣли, блуждая все это время по Горной Осетіи, Хевская долина не удивила и не поразила насъ. Широкая, съ совершенно ровнымъ плоскимъ дномъ, поросшимъ зеленою травой, она залегаетъ среди мягкихъ контуровъ длинныхъ покатыхъ склоновъ, среди не особенно высокихъ горъ: Хыргума—справа и Чада—слѣва, разстилаясь версты на четыре до самой Военно-Грузинской дороги. Ни одного скалистаго обрыва, ни одного утеса впереди!... Округлые скаты, мягкие уступы и террасы тонули въ зелени короткаго альпійскаго дерна или же мѣстами, на этомъ фонѣ, въ неглубокихъ складкахъ тамъ и сямъ выступали обнаженія базальтовъ, въ видѣ красивыхъ шестигранныхъ призмъ, капризно изломанныхъ и живописно разбитыхъ на отдѣльныя группы. Высота обрамляющихъ горъ не превышаетъ здѣсь восьми, десяти тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, а самое дно долины едва достигаетъ шести тысячъ футовъ. Вообще Хевская долина представляеть ландшафтъ, явившійся результатомъ спокойнаго творчества могучихъ дѣятелей природы: воды, воздуха и времени, которые, сгладивъ и видоизмѣнивъ основные штрихи, опредѣлили его современную физіономію. Весьма возможно, что вся эта обширная долина, замкнутая со всѣхъ сторонъ нѣкогда непрерывными кряжами горъ, въ отдаленную отъ наскѣпоху, быть можетъ, въ ту, когда только что занималась зоря человѣчества, представляла огромный водяной резервуаръ и современный Терекъ имѣть своими истоками именно это озеро....

Черезъ часъ, много полтора, мы достигли станціи Коби, а на слѣдующій день, едва солнечные лучи успѣли озарить столпившіеся у могучаго Казбека вершины горъ, уже мчались по Военно-Грузинской дорогѣ и въ полдень были во Владикавказѣ.
